

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

СТОРИ ДОТЛА,

МОЯ
ЗВЕЗДА!

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

Сгори дотла, моя звезда!

«ЭКСМО»

2009

Колычев В. Г.

Сгори дотла, моя звезда! / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2009 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

ISBN 978-5-699-34386-7

Известная певица бесследно исчезает. Что это? Выходка обезумевшего фаната? Похищение с целью выкупа? Жертва серийного маньяка, профилирующегося на звездах шоу-бизнеса? Или просто хитроумная рекламная акция, призванная подогреть интерес публики? Ни писем с угрозами, ни отрезанных пальцев, ни тела. Вместо этого некий хорошо одетый, располагающий к себе мужчина приносит на радио диск с совершенно новым, неизвестно где и как записанным хитом певицы. На его след выходит Антон Гончар – оперативник отдела особых расследований, занимающегося преступлениями против «звезд». Ему почти удается схватить незнакомца, но сильный удар сзади по голове останавливает оперативника...

ISBN 978-5-699-34386-7

© Колычев В. Г., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Владимир Колычев

Сгори дотла, моя звезда!

Глава 1

Темные тучи агрессивно нависли над городом, но разыгравшийся ветер раскидал их на причудливые формы, навязал им веселый до-мажор. И солнце, казалось, развлекалось с ними – то дракончика с коротким хвостом от себя отгонит, то брюхатого медвежонка ослепит. Забавно и вместе с тем страшновато. Ведь тучи могли разозлиться, рассвирепеть до грозного ре-минора, сплошь затянуть небо и обрушиться на город ливневым дождем... Стеклянная крыша над террасой легко выдержит его барабанный бой, но вдруг заплачет душа, которую и без того томит печаль...

Маша интуитивно потянула руку к журнальному столику, но вспомнила, что сигарет на нем давно уже нет. Курение активизирует фермент, повреждающий коллаген кожи. Когда тебе двадцать, как-то и не думаешь, что лицо может потемнеть, стать дряблым, покрыться сеткой морщин. Но, перешагнув тридцатилетний рубеж, начинаешь беречь себя – если курила, отказываешься от сигарет. И даже не важно, для кого ты себя бережешь.

Из спальных глубин пентхауса на террасу вышел ее мужчина, в прошлом известный артист Паша Финик, а в настоящем – Павел Родионович Финковский, успешный бизнесмен и ресторатор. Высокий широкий лоб, выступающие скулы, впалые щеки, заостренный, слегка выпяченный подбородок. Густые щетинистые брови, глаза вебря – с изломом верхнего века и тусклой радужной оболочкой; узкий с каплевидным кончиком нос... Не красавец, не аристократ, но его жизненной силы, темперамента и духовного обаяния вполне хватало, чтобы кружить женщинам головы.

– О чем молчим? – спросил он неохотно, но с потугой на задорный тон.

И, чтобы не глядеть на Машу, огладил пальцами крону миниатюрной кокосовой пальмы.

– Да так, погода портится, – меланхолично посмотрела на него Маша.

Он был ее мужчиной, но лишь отчасти. Одной своей половиной он принадлежал законной жене, вторую делил между Машей и другими любовницами. Так она с ним и жила – время от времени, от случая к случаю. Все как в анекдоте: мужчинам нужен секс, женщинам – любовь, но занимаются они одним и тем же.

Раньше ей казалось, будто она бежит по жизни, но в один отнюдь не прекрасный момент вдруг выяснилось, что это жизнь убегает от нее. В двадцать лет, когда все начиналось, она не думала о замужестве, а сейчас, когда уже за тридцать, лучшим свидетельством любви кажется брачное. Но, увы, Паша женился на другой. Ушли на сторону и другие мужчины, с которыми она когда-то крутила красивые и не очень романы. Даже поклонников не осталось. Если не считать одного сентиментального типа, который время от времени посылал ей стихотворные объяснения в любви по электронной почте. Стихи, кстати сказать, напыщенные, сплошь штампы и банальности. Но, как бы то ни было, графомания эта исходила от души, что, впрочем, не вдохновляло Машу на ответные письма.

– Думаешь, дождь будет? – изобразил Павел обеспокоенность.

– Не исключено, – Маша переплела пальцы рук и уныло вздохнула.

Ясновидящей она не была, но Павла предугадывала легко. Сейчас он воспользуется подвернувшимся предлогом и покинет ее.

– Тогда мне нужно спешить.

– Да, конечно.

Его отношение к ней напоминало ностальгическую любовь эмигранта к родине; вроде бы светлое чувство, но вовсе не обязательное. Хорошо побывать в России, а когда надоест, можно вернуться обратно в Америку. А следующий отпуск неплохо бы провести в Париже...

Маша не удерживала его. Зачем? Он семейный человек и от жены к ней не уйдет. Да и она так привыкла к нему, что не стремилась к серьезным отношениям с ним. При всех своих достоинствах Паша был для нее дуновением затхлого воздуха из старого электрофена, а ей нужен был свежий ветер.

Она проводила Пашу до двери, сухо чмокнула его в щеку.

– Ты, главное, не скучай, – на прощание сказал он.

– Постараюсь.

В личной жизни у нее пустота, разреженная редкими встречами с ним. Такое же безобразие и в делах: еще десять лет назад ее хиты звучали из каждой форточки, а сейчас, оказывается, Маша Светлова никому и не нужна. Впрочем, она и сама в том виновата. По неразумению позволила своему продюсеру пустить слух о том, что вышла замуж за олигарха и навсегда покинула сцену. Первое время концертный директор пытался устраивать ей гастрольные туры по городам и выступления в элитных клубах, но Маша вынуждена была поддерживать свой имидж счастливой и богатой женщины, поэтому отказывалась от всего. А когда поняла, в какой тупик может завести ее глупость, было уже поздно. Предложения поступали, но цена за концерт упала до такой смехотворной суммы, что из двух зол приходилось выбирать бездействие. Тем более что жить ей было на что. На пике своего успеха она поддалась на уговоры Финковского и открыла сначала один, а затем и второй ресторан, что приносило сейчас ей хоть и скудный, но стабильный доход.

Дома никого не было, и Маша позволила себе сбросить халат перед большим зеркалом в холле. Она еще хороша в своей наготе. Стройное упругое тело, кожа в тонусе, а длинные ровные ноги так ей к лицу, что иной раз глаз от самой себя, любимой, не оторвать... Не такая уж она и старая, как иной раз кажется. И красота есть, и задор, и стремление к вершинам звездного олимпа. Это сейчас все плохо, но иногда полоса неудач может оказаться взлетной...

Крутнувшись перед зеркалом, Маша прошла в ванную, приняла душ. Она растирала тело массажным полотенцем, когда в прихожей пропел механический соловей. Кого-то принесло...

Сначала она увидела гостя на экране охранного монитора, только затем открыла дверь. На пороге, поглаживая пальцами мочку правого уха, стоял ее милый друг Женя.

– Ну, наконец-то! – манерно пропел он и, вильнув бедрами, прошел в квартиру.

Светлые с завитушками волосенки, женственное лицо, накрашенные брови, выразительные глаза с удлинненными ресницами, нежные, как у девушки, щеки, которых еще не касалась острая бритвенная сталь. Тонкая шея повязана шелковым шарфом яркой мозаичной расцветки, джинсовый приталенный пиджачок с накладными карманами... Он был геем и не скрывал этого, хотя и воздерживался от эпатажных штучек вроде юбок и обуви на шпильках. Джинсы у него щедро расшиты цветами-завлекашками, с низкой талией, но с правой застежкой как у мужчин.

Остановившись в холле, он жеманно потянул ноздрями воздух:

– Мужской «Диор»? Какой аромат!.. Паша сменил одеколон?

– Почему Паша?

– А кто еще мог быть у тебя? Разве что муж-олигарх...

– Не издевайся.

– Извини, я не хотел тебя обидеть, – нежно улыбнулся Женя и, чмокнув себя в ладонь, сдул в ее сторону поцелуй.

– А вот возьму и не извиню, – надула она губки.

В общении с нормальными мужчинами Маша старалась не опускаться до девчоночьих капризов, с подругами держалась в образе, зато с Женей могла позволить себе все.

– Ну нет, после того, что я тебе скажу, ты меня еще и расцелуешь!.. Я тут недавно встречался с одним... ну, не важно с кем. В общем, у него был выход на важного человека, я замолвил за тебя словечко. И скажу тебе по секрету...

От нетерпения Маша приподнялась на цыпочки, сделала умоляющие глаза.

– Ну не тяни резину!

– Не буду, не буду. И уже спешу тебя обрадовать, что твоей отнюдь не скромной персоной заинтересовалась программа «Розыгрыш»! Да, да, Валдис Пельш и Татьяна Арно! Ты же знаешь, к ним на сковородку так просто не сядешь, даже блат не поможет, если нет звездности. А ты у нас настоящая «звезда»! Кто скажет «нет», тому я плюну в глаза! А никто и не скажет!..

Маша испытывала двоякое чувство. «Розыгрыш» – удел признанных «звезд», и ей льстило, что на нее обратили внимание, не важно, что с подсказки некоего нестандартно-важного человека. Но в то же время можно было попасть впросак, опозориться на всю страну. Видела она, в какие истории попадали другие «звезды» по злой воле организаторов скандального шоу.

– А чего ты такая бледная? – смахнув пальчиком нависшую на лоб кудряшку, спросил Женя. – Не бойся ты, все будет замечательно. Ты же предупреждена, значит, не позволишь себя провести...

– Ну, спасибо тебе, Женечка.

– Пожалуйста, Машенька!.. Ну не робей, не надо! А хочешь, я позвоню куда надо, и твой номер отменят.

– Пока не надо.

– Ну и ладненько. А если совсем страшно станет, ты мне скажи, я позвоню.

– И когда это все начнется?

– Не знаю. Может, завтра. А может, через месяц... Я еще попробую уточнить, хорошо?.. Неудобно напрашиваться на кофе, но, если ты меня угостишь, я буду тебе очень благодарен...

Чашечка кофе затянулась до позднего вечера. С Женей Маше было легко и просто, и она не хотела, чтобы он уходил. Но у него в ночном клубе была назначена встреча с одним интересным человеком, поэтому его пришлось отпустить.

А на следующий день Женя позвонил и предупредил, что программа «Розыгрыш» уже взяла ее на прицел и подвох может случиться в любой момент.

Маша как раз собиралась на экскурсию по магазинам, попросила Женю присоединиться к ней, но, увы, у него не было свободного времени.

Она читала в прессе, что в психиатрии появилось новое заболевание – «навязчивый шопинг». Это когда тяга к покупкам настолько велика, что человек не может совладать с собой, бежит в магазин с таким же вожделением, как безнадежный пьяница – в ларек за бутылкой. Зависимость от алкоголя тоже болезнь, но ведь то же вино можно потреблять в меру, культурно. Так же и с шопингом – приобрел одну вещь, остановись, насладись ею, а потом уже дальше, но в другой день...

Вино снимает стресс и чистит сосуды, так шопинг способен успокаивать нервы и сдобривать яркими красками унылую жизнь. К тому же вещественно-бытовая польза налицо: заканчивается май месяц – пора обновлять летний гардероб.

Женя был стилистом и по профессии, и по призванию. Ему не нужно было рассматривать вещь через лупу, чтобы отличить настоящий итальянский «Гуччи» от поддельного китайского. И одежду он умел выбирать – и по цвету, и по стилю, а главное, со вкусом и по фигуре. Какие аксессуары нужны, подскажет, какой макияж под ту или иную вещь, объяснит... Впрочем, Маша и сама знала толк в этом деле, поэтому ей вполне хватило смелости отправиться в магазин без него.

Бутик бутику рознь. Высшая категория – магазин, представляющий одежду одного дизайнера, напрямую с модных показов. Класс «премиум» – производители разные, но качество

товара отменное. Солидные площади, серьезные цены, индивидуальный подход, отличный сервис. Ну и третий тип бутиков – мелкие павильоны в обычных торговых центрах, выбор большой, но в основном – качественная и не очень подделка. Маша остановила свой выбор на золотой и, кстати сказать, знакомой серединке. Заехала в известный и проверенный бутик в районе ЦУМа; там ей улыбнулось изящное черное платье от «Шанель», к которому очень шла недавно приобретенная сумочка от Роберто Кавалли. Еще ей приглянулся костюм от Армани, но Маша решила отложить интимную близость с ним на будущее. Хорошего понемногу...

По пути домой она заехала в супермаркет. Хотелось бы приготовить ужин на двоих – на себя и любимого человека. Но увы... Она «звезда», она хороша собой, ей всего тридцать три года, но нет мужчины, с которым она могла бы разделить свою радость от удачной покупки. Есть только несуществующий олигарх, жертвой которого стала и она сама, и ее имидж... Не для кого было хлопотать на кухне, готовить горячие и сытные блюда. А сама она ела не много и при этом старалась обходиться без мяса. Поэтому с выбором определилась довольно быстро – йогурты, творожки, овощи, фрукты, ну и баночка красной икры для утреннего бутерброда.

По пути к кассе она встретила свою соседку по лестничной площадке.

– Машка!

Казалось бы, фальцет и трубный бас – два очень различающихся понятия. Но своим голосом Раиса умудрялась соединять их в единое целое – ее голос звучал трубным фальцетом. И сама она сияла, как медь тромбона. Выжженные до желтизны волосы – ломкие, сухие, дохлые, но закрученные в крупный локон. Лицо круглое, пышное, и можно было бы сказать, красивое, если бы его не портили глаза – большие, раскосые, но какие-то плоские, без глубины, будто бы нарисованные художником, не способным создать объемный эффект. Она пользовалась косметикой, но на ее щеках красовался естественный румянец, и зубы у нее свои – крупные, ровные, белые и с замечательным жемчужным отливом. И всю эту природную прелесть смазывала самодовольно-приторная улыбка, чудно гармонирующая с глупым выражением глаз.

Маша поздоровалась с ней, поджав губы. Не нравилось ей, когда к ней обращались в уменьшительном и отнюдь не ласкательном наклонении. Но Раиса относилась к тому типу людей, которые пытались подчеркнуть свою значимость за счет других. «Маша Светлова?! А-а, Машка! Так бы сразу и сказали!..» Кума королю, сваха министру, товарка «звезде». Глупая неотесанная баба с двумя высшими образованиями...

– Как дела?

Она обращалась к Маше, но посматривала по сторонам – видит ли кто, как она запанибрата обращается к «звезде». Но, похоже, никто этого не замечал.

– Лучше не бывает.

Как будто груз с души свалился, когда она отделалась от своей взбалмошной соседки.

Девушка в кассе узнала ее, смущенно улыбнулась, но лестного ничего не сказала, автограф не попросила. Ну, все как обычно...

Маша выходила из магазина, когда кто-то сзади взял ее за руку:

– Девушка, не торопитесь!

Ее остановил обычный охранник в черной униформе. Застывший взгляд, окаменелое лицо, плотно сдвинутые губы.

– Что вам нужно? – возмутилась Маша.

Она дернула рукой, пытаясь высвободиться из захвата, но парень еще крепче вцепился в нее. Он подвел ее к большому раскладочному столу и нагло потребовал показать, что у нее в сумочке.

– А нижнее белье не показать? – разозлилась она.

– Надо будет, и до белья доберемся!

– Что вы себе позволяете! Я буду жаловаться! Где директор супермаркета!.. Ты что, не видишь, кто я такая? Я «звезда»! Я Маша Светлова!..

Охранник смотрел на нее, но ничего, казалось, не видел. Она не волновала его как «звезда» и просто красивая женщина; Маша для него была всего лишь жертвой.

– У вас в сумочке баночка украденного кофе, – заявил он.

– Что?! – истерично взвывла Маша. – Я ukrала кофе?! Баночку?! А может, целую плантацию?!

– Покажите сумку!

– Ну, хорошо!

Она поставила на стол пакет с продуктами, раскрыла сумочку, заглянула туда сама, для большей убедительности сунула туда руку.

– Нет там ничего!

– А вы покажите!

– Покажу! А потом в милицию на тебя заявлю, придунок! За хамское вторжение в личную жизнь! Ты думаешь, я своих прав не знаю?

– Что ж, вот вам и милиция!

Мимо, как на заказ, проходили два офицера патрульно-постовой службы. Как и многих других, кто находился в зале, их уже заинтересовала скандальная сцена. Последовал стандартный вопрос:

– Что здесь происходит?

– А сигнал к нам поступил, что вот эта гражданка взяла с витрины и положила в свою сумочку банку кофе.

– Гражданка?.. Знакомое, кстати, лицо, – всмотревшись в нее, улыбнулся офицер с погонами капитана. – Маша Светлова, если не ошибаюсь?

– Что-то в этом роде, – сквозь зубы улыбнулась она.

– Что ж мы, Маша, кофе ворует? Неужели все так плохо?

– Мы?! Вы, может, и воруете, а у меня в сумке ничего нет!.. Вот, смотрите!

Она высыпала на стол содержимое своей сумки. Документы, визитница, ключи, пудреница, помада, ножнички, влажные гигиенические салфетки, жевательная резинка в пластинках, смятые купюры, монетки...

– Ну и где здесь кофе?

– Вот и я спрашиваю, где здесь кофе? – взыскательно глянув на охранника, спросил капитан.

Но тот не растерялся:

– Возможно, она спрятала его под юбку!

Маша истерически хохотнула, но тут же осадилась. Только сейчас до нее дошло, что в эту историю она попала неспроста. Это же программа «Розыгрыш»! А она ведет себя как последняя идиотка!

– Мне раздеться прямо здесь? – спросила она с улыбкой обаятельной хищницы.

– А вы что, можете это сделать? – в насмешливом тоне выразил изумление капитан.

– Да. Если будет музыка. Например, из фильма «Стриптиз». Или еще что-то в этом роде...

– Bravo!.. Ну, музыки нет...

Маша ждала, когда грянут фанфары и фонтаном всплеснется огромный букет цветов. Но ничего такого не происходило.

– С чего вы взяли, что у гражданки Светловой находится краденый кофе? – строго спросил у охранника офицер.

– Мне сказали.

– Кто?

– Ну, мужчина подошел, показал на нее, сказал, что ukrала банку кофе.

– Он представился?

– Нет.

– Где он сейчас?

Охранник огляделся по сторонам, мотнул головой:

– Нет его нигде.

– И вы ему поверили... Нехорошо получилось... Если гражданка Светлова подаст на вас в суд, я дам показания в ее защиту, – улыбнулся Маше капитан.

– В суд? На него?! – хмыкнула она, окатив охранника пренебрежительным взглядом. – Розгами бы его высечь. Придурок!.. Я свободна?

– Думаю, что да..

Маша надеялась, что фурор случится на выходе из супермаркета. Она дошла до своей машины, но фанфары так и не грянули. Ни цветов, ни участников розыгрыша, ни съемочной группы. Значит, не было никакой мистификации. Значит, она стала жертвой реальных обстоятельств. Но кто тогда показал на нее пальцем, уличил в несуществующей краже?

Маша села за руль, вставила ключ в замок зажигания, но заводить мотор не торопилась. Надо бы сначала дух перевести, а потом ехать... Не так уж и важно, кто покуражился над ней. Наверняка какой-нибудь олух, себе на зависть узнавший в ней «звезду». Мир полон безумных людей... Важней другое – как она сама повела себя в экстремальной ситуации? А повела она себя плохо. Устроила скандал, закатила истерику. И это могли увидеть в эфире миллионы зрителей. Как же хорошо, что сама жизнь преподала ей урок накануне основного события.

Она решила держать себя в узде, чтобы в будущем не попасть впросак. С этой мыслью и повернула ключ в замке зажигания. Стартер крутанул маховик, двигатель едва заметно дернулся, но не завелся. «Мерседес» у нее почти новый, чуть больше года в эксплуатации, техобслуживание прошел вовремя – поломок быть не должно. И все же машина не заводилась, хотя стрелка топливного датчика показывала три четверти бака.

Маша еще раз повернула ключ, и еще, еще...

Она не заметила, как слева от автомобиля появился мужчина, но услышала, как он постучал в окошко. Строгий костюм, белая рубашка без галстука. Он стоял, пригнувшись, поэтому Маша могла разглядеть его. Круглое лицо, мягкие, сглаженные черты; взгляд открытый, на пухлых губах добродушная улыбка. Маша опустила стекло со своей стороны.

– Вы что-то хотели?

– Да, хотел предостеречь вас. Не надо загонять аккумулятор, а то, если он сдохнет, машину точно не заведешь...

– Вам-то что? Вызову техпомощь, они разберутся.

– Техпомощь?! А если они эвакуатор пригонят?

– И что?

– А если на платформу неудачно погрузят? Машина у вас красавица, новенькая, обидно будет, если краску сцарапают... Если хотите, я посмотрю, что там у вас могло случиться... Бензин есть?

– Да, есть.

– Откройте капот!

Она не давала ему согласия, но рука сама по себе нащупала рычаг под приборной доской. Мужчина открыл капот, с видом знатока осмотрел мотор, потрогал что-то руками.

– Возможно, это предохранитель, – закрыв крышку капота, с видом знатока сказал он. – Если позволите...

Маша позволила ему занять водительское кресло, сама переместилась на переднее пассажирское. Но только он вскрыл блок предохранителей, неожиданно появилось еще одно действующее лицо. Парень в джинсовом костюме без разрешения и стремительно забрался в салон на заднее сиденье. Вне себя от возмущения, Маша резко развернулась к нему и увидела оскал электрошокера.

– Улыбнитесь, вас снимает скрытая камера! – широко улыбнулся парень.

И сразу все встало на свои места. Это же программа «Розыгрыш», в самом экстремальном своем варианте. По сценарию она должна стать жертвой разбойного нападения...

– Выйдите, пожалуйста, из машины! – решительно потребовала она.

Как и положено «звезде», Маша умела работать на публику. Пусть народ знает, какая она смелая и волевая личность.

– Только после вас! – ухмыльнулся «разбойник».

Она могла бы покинуть машину, но люди могут подумать, будто она струсила.

– Я сказала, выйдите из машины!

– Нам на следующей остановке, – сказал круглолицый.

И как ни в чем не бывало завел автомобиль. «Мерседес» быстро набрал ход и выкатил на Кутузовский проспект. Дорога была свободна от попутных машин, поэтому он смог разогнаться до сотни в час. Даже если захочешь, не выпрыгнешь.

– Вы играете с огнем! – с театральным апломбом заявила Маша.

– А что, наша «звезда» такая горячая? – ухмыльнулся парень.

Коричневые волосы, хищные глазки с темно-желтой радужной оболочкой, вялая бледная кожа, вислый веснушчатый нос.

– Когда обожжешься, узнаешь!..

– Можно прямо сейчас?

Он медленно потянул к ней свободную руку. Как бы хотела Маша эффектно схватиться за нее, взять на борцовский прием, но, увы, в силовых единоборствах ее ценность была равна нулю.

– Убери лапы! – шикнул на него круглолицый.

Маску добродушия он выбросил из окошка и сейчас играл роль агрессивного монстра, только Маша почему-то не очень его боялась.

– А ты останови машину! – в свою очередь потребовала она. И, немного подумав, добавила: – Пока я не разозлилась!

Но мужчина лишь пренебрежительно усмехнулся, бросив на нее насмешливый взгляд.

– Ну, смотрите, я давала вам шанс! – оскорбленно встрепенулась она.

Пельш, наверное, думал, что Маша Светлова будет умолять «преступников» о пощаде – телезрителям на смех. Но как же он просчитался!.. Она мысленно благодарила Женю, что он предупредил ее о возможном розыгрыше. И вместе с тем проклинала за те унижения, которые ей приходилось сейчас терпеть. А машина продолжала мчаться по Кутузовскому шоссе в сторону Кольцевой автострады...

Глава 2

Какофония света, вакханалия музыки, содом на сцене... Артем заворуженно наблюдал за двумя жрицами разгульного распутства. Это было невероятно – одна стриптизерша, зависнув на стальном пилоне и отбросив назад руки, клонилась спиной к полу, другая лежала на ней, изображая страстный поцелуй в губы. Что та держалась, вцепившись ногами в шест, что другая... Артем даже протрезвел, любясь этим шедевром стрип-дэнс искусства.

– Ну и чего ты на них пялишься? – капризно прозвучал над самым ухом девичий голосок.

И Артем понял, что не просто пришел в чувство, а вынырнул из провала в сознании. Слишком много он принял на грудь за этот вечер, потому и столкнул его зеленый змей в хмельную яму. Видно, весело ему там было, и хорошо, что сейчас на коленях у него восседала симпатичная шатенка с короткой стрижкой и длинной шеей. Она также была крепко подшофе, потому ревность ее не казалась шуточной.

– Я тоже так могу! – заявила она и неловко стянула с себя топик, обнажила соблазнительной формы бюст второго-третьего размера. – Ленка!..

На ее зов откликнулась жгучая брюнеточка с тонким станом и длинными ногами. Она соскочила с колен Макса и, так же сорвав с себя топик, бросилась в объятия пьяной подружки. Оказавшись в центре вакхальных событий, Артем не растерялся, слегка приласкал и шатенку, и брюнетку. Макс ржал как лошадь, наблюдая за этой сценой, но у него, похоже, не было сил, чтобы дотянуться до ускользнувшей подружки, облапить ее.

А девушки вошли в раж. Сначала просто чмокались друг с дружкой, а разогревшись, стали целоваться всасос. Неудивительно, что вокруг них образовалась толпа таких же одуревших от зелья зевак. И диджей вещал из своей будки что-то несуразное. Казалось, все сошли с ума. Или порядком накачались – кто спиртным, кто травяным дымом, а кто-то и «волшебным» порошком.

Артем уже собирался отогнать от себя порозовевших подружек, когда в двух-трех шагах от себя увидел здоровенного самца в леопардовой шкуре. Стриптизер, похоже, был под градусом – или от спиртного, или от восхищения собственным совершенством. Все бы ничего, но этот балбес изображал из себя биатлониста, руками и бедрами делал движения, будто отталкивался лыжными палками. Шатенка и брюнетка, увидев его, завизжали от восторга, потянули к нему руки, призывая к себе. А он и без того двигался к ним, показывая, как поступит с ними, если ему позволят присоединиться к импровизированной оргии.

– Пошел на! – гаркнул Артем, скривившись от презрения к этому жалкому ничтожеству.

К стриптизершам он воцелел, а их мужскую аналогию готов был рвать на флаги.

Музыка рыдала, забив пространство шумными децибелами, – танцор не слышал его. Он продолжал извращаться на потребу толпе. Пришлось Артему растаскивать ошалевших девушек, подниматься во весь рост.

Его метр семьдесят семь позволил сравняться с гламурным дикарем по высоте. Но по размаху плеч и мышечной массе он заметно уступал ему. Зато у него был мощный, четко поставленный и намертво заученный удар. И если он сейчас чего-то боялся, то лишь собственной бесшабашности.

Он ударил справа, без пристрелочного слева. Это была его коронка – кулаком точно в подбородок... Танцор обладал столь большой мышечной массой, что, пропустив удар, ни на пядь не подался назад. Округлив глаза, недоуменно глянул на обидчика. Свирепо взмахнув рукой, шагнул к нему, но, вдруг покачнувшись, мешком рухнул на пол.

И это было только начало. За порушенную собственность клуба вступились охранники. Одного Артем встретил прямым в челюсть, другого швырнул через бедро, а третий ударил его ногой в живот, после чего приложил носом к своей коленке...

Его схватили за руки, вытащили из зала, бросили на пол в какой-то комнате. Пока он приходил в себя, появился наряд милиции, дальше проще: браслеты наручников на запястья, зарешеченный отсек «уазика», дорога дальняя, казенный дом – камера для временно задержанных при отделе внутренних дел.

Из документов у него были только права и техпаспорт на машину, из денег – несколько мятых тысячных купюр плюс к тому банковская карточка.

Артем стоял перед оперативным дежурным, пошатываясь, с опущенной головой. Хмельные волны давно заглушили боль, и сейчас ему хотелось только одного – поскорее завалиться спать. Но капитан с выпуклыми надбровьями и острым подбородком не спешил препроводить его в камеру, неторопливо заполнял опись изъятых вещей и документов.

– Золотая молодежь, блин, – раздраженно-завистливо и вместе с тем ехидно хмыкнул он, рассматривая техпаспорт. – Нажрутся, а потом ездят на дорогих джипах...

– Не знал, что ваш «уазик» – дорогой джип, – погладив распухший нос, буркнул Артем.

– Да я не про «уазик», я про твой «БМВ»... Нажрутся, говорю, а потом ездят...

– Может, и нажрутся. Но не ездят...

– А по физиономии кому съездил?

– Стриптизеру.

– А-а, ну тогда молодец!.. Давай в камеру, проспись немного. А завтра тобой займутся...

Капитан провел Артема в камеру, закрыл за ним решетчатую дверь.

Здесь было только две кирпичных стены, остальные – сплошная решетка. И скамеек всего две – узкие, грязные. Артем сначала сел, прислонившись к стене, а потом, засыпая, завалился на бок.

Утром его разбудил знакомый уже голос.

– Давай, мажор, поднимайся, – с усмешкой поторопил его капитан. – На утренний кофе, кх-кх...

За окном в конце длинного коридора серел рассвет, внутренний хронометр показывал ранний час. Да и отдел еще спал – тишина за витринным стеклом дежурной части, полумрак...

– Пиво – это по почкам, – хмуро изрек Артем. – А кофе – это куда?

– Сначала через печень, потом через почки, – защелкнув на его запястьях наручники, хмыкнул офицер. – Не думаю, что это больно...

По гулкой лестнице, пустынными коридорами он провел его в кабинет на втором этаже. Артем успел заметить табличку: золотом на красном фоне – «оперуполномоченные». Все предельно ясно.

Кабинет просторный; ремонт вроде бы недавний, но в углах над окном обои уже отошли от стен. Старый засаленный диван у самого входа, два фронтально сомкнутых стола, книжный шкаф с облупленным фасадом и лежащим плашмя талмудом – Уголовно-процессуальный кодекс, комментарии к нему и разъяснения, килограммов на пять-шесть. Мало не покажется, если такое издание опустить на голову. Пол в помещении грязный, занавески на окнах затертые, но паутины по углам вроде бы нет. Зато здесь был паук, застывший в ожидании жертвы.

Это был молодой человек с неубедительно усталыми глазами. Он пытался изобразить зрелую не по возрасту мудрость, но Артем ему не поверил. Обычный оперативник, лет двадцати пяти от роду; максимум старший лейтенант по званию.

На тумбочке слева от него бурлил электрический чайник, механический щелчок известил, что кипяток готов. Парень молча взял две кружки, сыпанул в каждую по ложке растворимого кофе, бросил по три кубика сахара, залил водой.

Артем наблюдал за ним с затаенной надеждой, гадал – по его душу или нет вторая кружка. Капитан доставил его по назначению и ушел, в дежурной части у него своя кухня – не было смысла искать кофейной милости у дежурного оперативника. Значит, вторая кружка для задер-

жанного. Через желудок-печень-почки, своим ходом... Кровь насытится бодростью, разгонит похмельную тяжесть в голове.

– Ну, чего стоишь? Присаживайся!

Офицер благодушно показал за соседний стол. Артем приподнял руки, обратил внимание на стальные браслеты.

– Ничего, потерпишь. Ты у нас, говорят, буйный.

– Когда как.

– Людей избиваешь.

– Знаю, что зря, не надо было, – понуро сказал Артем и присел на стул.

– Заявление на тебя поступило. Драка в ночном клубе, вывих челюсти...

Артем ничего не сказал, лишь еще ниже опустил голову. Он человек мирный, зла никому не желает, душа тянется к доброму-вечному... Но в глубинах той же души таится грубое животное с первобытными инстинктами вместо разума. И сколько ни пытался он задушить в себе этого зверя, каждый раз его победа над ним сменялась поражением. Не хотел он идти с Максом в клуб, упрямился, но... Теперь вот отвечай за то, что натворила свинья из хлева под коркой его сознания.

– Ну, и что будем делать?

– Не знаю.

Артем знал, как найти выход из этой ситуации. Но не хотелось юлить, выкручиваться – настроения для этого не было.

– Не знает он... Как человека избить, он знает... На, согрейся, а то замороженный какой-то.

Оперативник перегнулся через стол, поставил перед ним белую кружку с потемневшими от чужих губ краями. Впрочем, на стерильность Артем и не рассчитывал.

– Спасибо, – сделав глоток, поблагодарил он.

В детстве он отличался повышенной брезгливостью, но все это осталось в далеком прошлом. Может, он и был мажором, чье будущее предопределено успешными родителями. Но в свое время он вдоволь нахлебался грязной водички – как в прямом, так и в переносном смысле. Он знает, что такое жизнь без меда...

– Вроде бы неплохой парень... – в раздумье произнес оперативник.

– Плохой, – не согласился Артем. – Вчера я был плохим... А может, и позавчера... Какое сегодня число?

– Двадцать восьмое.

– Да нет... – Артем решил, что его разыгрывают.

Но как мог знать оперативник, что по его времяисчислению сегодня – максимум двадцать седьмое августа?.. Не мог он этого знать.

– А это что-то меняет? – внимательно посмотрел на него офицер.

– Ну, есть один момент... А ОВД какой? А то я как-то не сообразил...

– Ильинское. А что?

– Черт!.. То есть ничего...

Он мог объяснить причину своего волнения, но ведь оперативник не поверит. Да и самому трудно поверить в то, что у него настолько тяжелый случай, хоть в психушку на курс лечения отправляйся.

– Ничего у меня в протоколе нет, – насмешливо посмотрел на него уполномоченный. – Пока нет. Но сейчас будет... Ну, что, начнем?

Он полез в ящик стола, достал оттуда папку с бланками протоколов. И только он раскрыл ее, как запахнулась дверь, и в кабинет вошла хорошенькая девушка с удивительно знакомым лицом.

Темно-русые волосы, стрижка – классическое каре, волосок к волоску; тонкие, четко очерченные брови, большие накрашенные глаза, влажный блеск на светло-розовых губах. Одея она была по-спортивному – джинсовая двойка с неброскими, но дорогими аппликациями, кроссовки с грязной подошвой.

Она шла так быстро, что дежурный капитан не поспевал за ней. Он потянул к ней руку, будто хотел сказать – вот, мог бы ее задержать, да не решился. Той же рукой хлопнул себя по бедру – извините за постороннее вторжение, но ничего поделать не могу. Впрочем, оперативник на него и не смотрел. Все внимание на девушку, в которой, как и Артем, он узнал популярную певицу Алеку.

– Э-э, прошу! – приподнявшись со своего места, растерянно протянул он.

И показал на стул с торца своего стола.

Артем на всякий случай опустил скованные наручниками руки и замер в ожидании, когда его уведут обратно в камеру. Но хозяин кабинета, похоже, забыл о нем. И девушка не смотрела в его сторону – хотя бы потому, что села к нему боком.

Он заметил на рукаве куртки в районе локтевого сгиба свежую помарку, размазанную глину коричневого цвета, на спине – колючку репейника. Интересно, с каким чертом и где она была этой ночью?

– Я вас слушаю, – дрожащим от напряжения голосом обратился к девушке офицер.

– Что слушать? Машину искать надо! – с апломбом заявила Алека.

– Какую, простите, машину?

– Ну, какую-какую! Мою, конечно!

– И где она?

– Это вы у меня спрашиваете? – возмущенно воскликнула она. – Это я у вас должна спросить! Вы должны следить за порядком в районе! Вы должны знать, куда угоняют машины!

– То есть вы хотите сказать, что у вас угнали машину? – слотнув слюну, в смятении спросил оперативник.

– Я хочу сказать?! Да я во весь голос об этом говорю!

Алека выпрямила спину, вскинула голову – ни дать ни взять вулкан праведного гнева.

– Так, давайте без шума... – Парень выразительно посмотрел на часы, перевел взгляд на «звезду».

– Вам что-то не нравится? – немедленно отреагировала она.

– Московское время – пять часов сорок восемь минут.

– И что?.. Милиция работает круглосуточно. И машины тоже угоняют круглосуточно.

– Логично... Вы на «02» звонили?

– Нет, а это обязательно?

– В принципе нет... Заявление писали?

– Та-ак! Началось!.. Вы заявление мое искать будете или машину?

Оперативник понял, что так просто от «звезды» не отделаться.

– Так, давайте начнем с самого начала. Когда вы обнаружили пропажу машины?

– Полчаса назад. Если точнее, в пять часов... пять или десять минут, что-то в этом роде...

Я обычно до девяти сплю, а тут как будто укололо что-то – проснулась, выглянула в окно, нет моего «Фольксвагена»...

Она рассказывала, инстинктивно пощипывая мочку ушей.

– «Фольксваген Пассат»? – спросил офицер.

– Да... А вы откуда знаете? – встрепенулась девушка.

– Догадался. Это самая угоняемая марка.

– Не знала... То есть теперь знаю... Лучше бы не знать...

– Значит, автомобиль угнали со стоянки возле дома? – предположил оперативник.

– Ну, стоянка – это громко сказано. Так, место возле подъезда... Выглянула в окно, а машины нет...

Девушка продолжала тереть мочку своего уха, отчего та покраснелась и разбухла, как маисовое зерно на раскаленной сковородке. Или у нее прокол под сережку воспалился, или кровь от волнения плохо циркулирует. Артем подозревал второе.

– Ну что ж, вам надо написать заявление... А я пока дам координаты на вашу машину. Техпаспорт можно?

– Разумеется. – Девушка нехотя вынула из сумочки портмоне для водительских документов, протянула их оперативнику.

– Вы пока заявление, а я сейчас...

Он сунул ей под руку лист бумаги, ручку, а сам вышел из кабинета с такой поспешностью, будто здесь вот-вот должно было сработать взрывное устройство.

– Вот умный, заявление пиши... А как его писать, кто знает? – спросила Алека, обращаясь к тишине в кабинете.

– Я знаю, – Артем открыл ящик стола, бросил туда наручники, выложил руки на стол. – Можешь повернуться ко мне.

– А мы что, сразу на «ты»? – выразила свое возмущение девушка.

Но на другой стул пересела, и теперь Артем мог видеть ее лицо.

– А чего тянуть? – улыбнулся он.

– Ну, ты даешь!.. Ты кто такой?

– Следователь ОВД лейтенант милиции Гончар, – с разбитной улыбкой представился он.

– Не похож ты на следователя... Где-то я тебя видела...

– Ты знаешь, я тоже себя недавно видел, в зеркале... А тебя видел... в июне, кажется, на корпоративе, «Стабинвест» – пятнадцать лет успеха и процветания...

– Да, да, помню, – заинтригованно кивнула девушка.

– Ты своей «Джигой» всех зажгла... А потом тебя со Славой познакомили...

– Да, да, Слава Райтер... И ты с ним, кажется, был... А говоришь, что следователь, – уличающе погрозила ему пальчиком Алека.

– Может, мы со Славой в одном классе учились. Он сейчас у папы в замах, а я здесь, в милиции...

– В одном классе? Он здесь в Москве в частной школе учился, а потом в Англии в частном колледже...

– Ну, я тоже в частной школе... Но у меня папа – генерал милиции, я, так сказать, по родительским стопам...

С банкирским сыном Славой Райтером Артем познакомился в прошлом году на шумной вечеринке. Это был окультуренный кутеж без пьяного дебоша, но с интересными женщинами... А отец у Артема действительно был генералом, и не суть важно, что в запасе. И все остальное – тоже правда.

– Ну, если по родительским стопам... Так что, заявление писать будем?

– Да ну его... Ты мне о себе расскажи. Считай, что это интервью.

– Ты же не журналист.

– Нет, я твой друг. То есть Славка мой друг. Ну, а друг моего друга тоже мой друг... Или вы с ним не друзья?

– Ну, друзья, – в сомнении пожала она плечами.

Славка был одним из самых завидных женихов Москвы, потому Алека и закрутила с ним роман. У бабочек короткая жизнь, у мимолетных «звезд» – слава. Сегодня тебя знают все, а завтра ты уже в закате и никому не нужна. Алека, конечно, это понимала, поэтому, пока ее звезда не погасла, пыталась выйти на орбиту богатых мужчин. Но со Славиком у нее не сложилось: секс был, а спутником жизни он для нее так и не стал.

– Вот и расскажи мне о себе.

– Что тебя конкретно интересует?

Артем смог сдуть с нее звездную пыль. Алека признала в нем своего, и это должно было развязать ей язык.

– Духи мне твои нравятся...

Он повел носом, ноздрями поймал ее запах.

– Кажется, «Амор, Амор».

– Ну да... А почему кажется?

– Да с носом проблемы, если ты заметила...

– Припухший он у тебя какой-то.

– Потом расскажу... Хорошие у тебя духи... Что там, жасмин, лилия?.. Можно твою чудную ручку!

Он взял ее руку, поднес ее к губам... А рука пахнет соляжкой. Теперь он точно был в том уверен.

– Что это тебя на любезности потянуло? – недоуменно посмотрела на него Алека.

– Ты такая классная. Жаль, я при исполнении... Кстати, вечером я свободен. А ты? Может, покатаемся по городу, а? Заедем куда-нибудь, все такое...

– Ну, ты жук! – игриво повела бровью девушка.

– Это у тебя жук. «Фольксваген Жук», я правильно понял?

– Нет, «Фольксваген Пассат»...

– Ну да, ну да... Значит, «Пассат». Сто сорок лошадей, дизель, турбонаддув...

– Ты откуда знаешь?

– Но это же так.

– Так... Было... – взгрустнув, кивнула девушка.

– Ничего, найдется твоя красавица. Может, даже раньше, чем ты думаешь...

– А я думаю, что найдется?

– Не знаю, не знаю... Да, кстати, хотел спросить, машина у тебя новая?

– Ну, не совсем новая, но в очень хорошем состоянии.

– Если нет сливной пробки на топливном баке, то старая-старая...

– Да нет, была пробка!

– Ты в этом уверена?

– Да. Сама видела...

– Как ты могла ее видеть? Это же под машину лезть надо...

– Где видела? – призадумалась она. – Ну, видела... И лезть никуда не надо. Ее на подъемнике поднимали, в автосервисе, мне мастер показывал...

– А-а... Это хорошо, что ты такая любопытная...

В это время в кабинет зашел оперуполномоченный. Хорошо, что Алека не видела, как вытянулось его лицо, иначе бы она все поняла.

Артем не растерялся, уверенным движением руки показал офицеру, что ему нужно набрать в рот воздуха и немного помолчать. И как ни в чем не бывало продолжал:

– Значит, говоришь, что сегодня проснулась в пять часов десять минут...

– Что-то вроде того.

– Выглянула в окно, а машины нет.

– Нет.

– И сразу к нам?

– Да, сразу...

– И долго шла?

– Да нет, минут пятнадцать...

– И еще капитан в дежурной части вредничал.

– Да, впускать не хотел...

Артем ждал, когда хозяин кабинета взвояет сиреной и гневно изобличит самозванца. Но тот уже успокоился и с интересом наблюдал за ним.

– В этот кабинет ты вошла в пять часов... э-э... сорок пять минут... Итого, с момента пробуждения прошло тридцать пять – сорок минут. Пятнадцать минут, чтобы сообразить, что делать, собраться, двадцать минут, чтобы прийти сюда. А когда же ты накраситься успела?..

– Я?! Накраситься?! – вскинулась Алека.

– А разве нет?

– Ну, я с вечера...

– Это свежий макияж. Вон как губки блестят. И все контуры четкие... Значит, в отделение пешком шла? Грязь на улице, прошлогодние листья под ногами, да?

– Какие листья? Какая грязь?

– А ты на свои подошвы посмотри. Это же суглинок с фрагментами прелых листьев. И в репьях вся... Вот и коленка грязная, – заметил он. – Я уже, не говорю про руки, которые пахнут соляжкой... Я бы подумал, что ты машину заправляла, но у тебя локоть в грязи, ты на него опиралась, когда дизель из бака сливала...

– Дизель сливала? Зачем?

– А машина в лесу стоит, одна-одинешенька. Глядишь, и позарится кто-нибудь. А так соляжки нет, и не уедешь... Можно было бы свечи выкрутить, так это геморрой... Хотя и соляжку не просто слить, это и ключ надо подобрать, а если пробка туго пойдет, то вообще... А может, все-таки машину заправляла? Ну, чтобы до леса доехать. Пистолет мимо бака пронесла...

– До какого леса? – возмущенно, но срывающимся голосом спросила девушка. – Какой пистолет?!

– Заправочный... А лес, где машину оставила... Знаешь, что у меня с носом? Это я вру много, а когда человек врет, у него адреналин выделяется, он кровь гонит в нос, поэтому все время хочется его потерять... Когда человек врет, он еще мочку уха трет, там, наоборот, отток крови, но это не суть. Ты на свое ухо посмотри... Хотя нет, оно у тебя уже не красное. Красивое у тебя ушко. И сама ты красивая. И песни у тебя – жуть. Но людей зачем подставлять?

– К-каких людей?

– Тех, которые в погонах... Ты вот за дешевой славой гонишься, в милицию заявила, что машину у тебя угнали, завтра об этом в желтой прессе заговорят. А потом появится сообщение, что воры, узнав, чью машину они угнали, вернули ее хозяйке, знаменитой певице Алеке. Вот это будет бомба!.. Какой пиараст это тебе посоветовал? Ну, кто там у тебя пиаром занимается... Или сама придумала?.. Ты не думай, мы на тебя дело заводить не станем. Нам прецеденты не нужны... Ну так что, где машину оставила?

– Ладно, все, проехали!.. Пойду я, – поднимаясь со своего места, разочарованно сказала разоблаченная «звезда».

– А заявление?

– Не было ничего, просто зашла...

– Славику привет!

– Да пошел ты!

В дверях Алека остановилась, обиженно и вместе с тем с пониманием посмотрела на Артема.

– Не сливала я соляжку. Что я, дура, под машину лезть!.. Просто упала. Споткнулась и упала...

– В лесу?

– Бай-бай! – пошевелила длинными пальчиками певица.

И скрылась за дверью.

– Какая девушка, – сожалеюще вздохнул Артем, глянув на офицера с непонятным для того упреком. – Мог бы с ней сегодня покататься...

Он был искренен в своих суждениях. Что ни говори, а вчерашняя вечеринка закончилась плохо: милиционеру «обезьяннику» – да, сексу – нет. И он совсем не прочь был поразвлечься с Алейкой.

– А так на признание пришлось раскручивать, против себя настроил... Честь мундира, все такое. А девочка ушла...

– Какая честь мундира, что ты несешь? – не выдержал оперативник. – Кто ты такой?

– Такой-сякой...

С унылым видом Артем достал из ящика наручники, которые умудрился вскрыть обычной канцелярской скрепкой, протянул их офицеру. Ему решать, что делать с ним дальше.

Глава 3

Полковник Зейнович нервно пощипывал переносицу, исподлобья посматривая на Артема. Слегка вытянутое лицо – широкое в средней части, резко вычерченный нос, выдающиеся скулы, узкий, как будто срезанный подбородок. Люди с таким типом лица, как правило, обладают огненной натурой. Жесткие, амбициозные и необузданные в гневе... Начальник ОВД мог бы снять нервное напряжение, накричав на Артема. Но полковник достаточно хорошо знал генерала Гончара, чтобы позволить себе так обращаться с его сыном.

– Даже не знаю, что сказать, – смятенно произнес он. – Такого на моей памяти еще не было. Лейтенант милиции должен прибыть на службу, представиться по всей форме, приступить к исполнению обязанностей. А его доставляет в отдел наряд милиции, пьяный дебош, драка, ночь он проводит в камере... Вот и как вы, товарищ лейтенант, после всего этого будете служить в нашем отделе? Да над вами даже пятнадцатисуточники смеяться будут!

Артем угнетенно молчал. Увы, но ему нечего было сказать в свое оправдание. Месяц назад он закончил Академию МВД, получил назначение в ОВД «Ильинское» на должность следователя, сегодня должен был представиться полковнику Зейновичу по случаю прибытия к новому месту службы. Представился на свою голову. На свою пьяную голову...

– Я знаю вашего отца, уважаю его. И мой вам совет, товарищ лейтенант, напишите рапорт о переводе в другой отдел внутренних дел, а я в свою очередь обязуюсь замять неприятную историю, в которую вы влипли, и не сообщать о ней по инстанции.

Артем согласно кивнул. Отец поможет без проволочек перейти на новое место службы. Пожалуй, это действительно единственный выход из сложившейся ситуации. Глупо было оправдываться перед Зейновичем и уж тем более требовать от него пощады.

– Что, даже ничего не скажете? – удивленно посмотрел на него полковник.

– А что говорить? – понуро пожал плечами Артем. – Виноват – отвечай... Хорошо, если замнете историю. А с отцом я разберусь...

Мама не хотела, чтобы он служил в армии, но у отца было свое мнение. Он сумел настоять на том, чтобы сына призвали на службу, но не куда-нибудь, а в московский милицейский полк. Артему это не понравилось, но, вместо того чтобы прикинуться больным и комиссоваться, он всеми правдами-неправдами втайне от отца добился перевода в полк МВД, дислоцированный в горных районах Чечни. Это был своеобразный протест, детский взбрык, о чем его быстро заставила пожалеть суровая кавказская действительность. Но в конце концов Артем втянулся в службу, прошел через все испытания, вернулся домой настоящим мужчиной.

Сейчас он стоял перед начальником ОВД в мятом костюме, неумытый, нечесанный, а ведь мог прибыть к нему как человек – в новеньком с иголки мундире, с медалью «За боевые заслуги» на груди. Вряд ли бы тогда полковник Зейнович посоветовал ему перевестись в другой отдел...

Он мог бы, конечно, дать обещание, что впредь не унизит себя недостойным поведением. Но сможет ли он его выполнить, вот в чем вопрос?.. Слишком хорошо он себя знает, чтобы зарекаться. Придет в норму, начнет по частям вытравливать из себя дикое животное, будет правильно себя вести, читать умные книги, ходить в театры и на выставки, но рано или поздно он снова сорвется – завалится с друзьями в ночной клуб, напьется и, как свинья в нечистотах, погрязнет в развратных женщинах. Потом будет каяться, какое-то время держаться на плаву, а затем снова – бульк, и топориком на самое дно порока. Натура у него такая, и вырвать ее можно только вместе с сердцем – в буквальном смысле этого слова.

– Ну что ж, если сказать нечего, давай пиши рапорт, я подпишу, дам ход. А ты с отцом поговори... Он, правда, звонить будет, – нахмурился Зейнович, – но мы что-нибудь придумаем...

Артем вышел из кабинета и нос к носу столкнулся с печально известным оперативником.
– А я как раз за тобой, – сказал тот и провел его в свой кабинет.

Там за его столом сидел мужчина средних лет. Своей внешностью он чем-то напоминал кролика – маленькая голова с заостренным лбом, тонкие брови, темные подвижные глазки, высоко посаженные уши, носик с закругленным кончиком. Хорошего качества светло-серый костюм из магазина готовой одежды, начищенные до блеска туфли с длинным суженным носком.

Поднявшись из-за стола, он широко улыбнулся, обнажив крупные верхние резцы. Представился:

– Майор милиции Безроднов, заместитель начальника отдела особых расследований.

Голос тонкий, высокий, но в нем присутствовала резкость, четко указывающая на его мужское происхождение.

– Каких расследований?

– Особых... Коротко говоря, мы работаем со «звездами» эстрады, кино, спорта...

– Никогда не слышал про такой отдел.

– Да, но уже работали в этом ключе. Сегодня вы допрашивали Алеку, Александрову Ирину Степановну.

– Ну, не допрашивал, так, поговорили по душам, можно сказать.

– И она открыла вам свою душу. Призналась, что сама украла у себя автомобиль.

– Да это у нее на лице было написано. И на одежде... В лесу она была, ну, может, в парке, куда машину прятала. Темно было, поэтому испачкалась. Я пять лет в академии учился, не дурак...

– Не дурак, – согласно кивнул Безроднов. – И в контакт с Алекой легко вошел...

– Ну, это просто. Мы с ней как-то пересекались, ну, на одной вечеринке...

– Говорят, с одной такой вечеринки вас этой ночью забрали, – усмехнулся в ус майор.

– Ну, было, – понурился Артем.

– Окончание отпуска праздновал? – перешел на «ты» Безроднов.

– Видно, что вы по особым расследованиям, – одобительно улыбнулся Артем. – Да, окончание отпуска... Немного не рассчитал...

– Я так понимаю, парень ты веселый.

– Если честно, я человек серьезный, даже нудный. Но иногда заносит...

Он мог бы рассказать, с каким трудом закончил академию, сколько раз был на грани отчисления за эти самые заносы. Но ни к чему говорить о том, что не делает тебе чести.

– Старший лейтенант Гречкин говорит, что с Алекой ты говорил запанибрата.

– Ну, перед женщинами я не робею, что есть, то есть...

– Она не просто женщина, она – «звезда», и довольно-таки популярная... А если бы она истерику закатила?

– Ну, плакать бы не стал...

– Пришлось бы терпеть, – подсказал Безроднов.

– Меня же к следственной работе готовили. Истерику любая женщина закатить может, а «звезда» она или нет, дело десятое...

– Где-то, может, десятое, а у нас первостепенной важности. «Звезды» – особый контингент, к ним и подход особый нужен. Словом, нам нужны сотрудники, способные наладить контакт со звездными персонами, ты меня понимаешь?

– Понимаю. Но я здесь при чем?

– При том, что ты сегодня сделал мою работу. Гречкин вызвал меня, а пока я ехал, ты раскусил Алеку. Значит, умеешь работать... Вот я и думаю, что если ты к нам перейдешь...

– Вы хотите, чтобы у вас работал пьяница и дебошир? – угрюмо спросил Артем.

Перспектива работать в отделе особых расследований впечатляла, но и стелиться ради нее не хотелось.

– С кем не бывает.

– С вами тоже?

– И я не святой. Хотя и не злоупотребляю.

– Я тоже. Но бывает... Стриптизеров не люблю, потому и двинул, ну, в смысле подрался...

– А это зря. Стриптизеры – тоже люди, среди них есть даже «звезды», наш контингент, так сказать... «Голубых» ты тоже не любишь?

– Если они не выставляются, то все равно, а если такие, как Зверьков... Можно, я не буду об этом говорить? А то нехорошо после вчерашнего, как бы не стошнило...

– В таких случаях лучше держать свои... гм... мысли при себе. Мы и со Зверьковым должны работать, и с Маисовым, и со многими-многими другими...

– Что ж я, не понимаю? Понятно все...

– Насколько я понимаю, материальное положение у тебя вполне.

– Не жалуюсь.

Не виноват был Артем в том, что мама у него – председатель совета директоров торгово-промышленной компании. Отец тоже при деле – возглавляет частную охранную структуру. Как не виноват он и в том, что еще в Чечне дал себе зарок служить в органах внутренних дел.

– Да, и еще вопрос. Скажи, ты бы сам хотел быть «звездой»?

– Не люблю работать на публику.

– Ответ принят... В общем, думаю, мы можем взять тебя на испытательный срок. Если, конечно, Зейнович возражать не будет.

– Здесь я вам точно скажу, Зейнович возражать не будет, – совсем не весело улыбнулся Артем.

Начальник ОВД с удовольствием избавился от него. Рапорт на перевод требовать не стал, а предписание в отдел особых расследований выписал с легким сердцем.

Так закончился для Артема первый день офицерской службы. Он отправлялся домой, чтобы завтра утром прибыть к новому месту службы. Это радовало. Но удручало, что из отдела он выходил через дежурную часть. Он был не просто проштрафившимся сотрудником, по документам он проходил как организатор драки в ночном клубе, как преступник, освобожденный по воле высокого начальства. Как же стыдно ему было смотреть в глаза дежурного офицера, который выдавал ему под расписки его документы и личные вещи. К счастью, Безроднов уже уехал и не стал свидетелем его унижения.

Он покинул здание, прошел через двор и возле контрольно-пропускного пункта увидел Макса. Тот шел к нему не один, а с каким-то мужчиной, выхоленным от макушки до пят.

– Артем! Ты уже! – обрадовался Макс.

Его мясистый нос погрузился в улыбку, которую он щедро изобразил. Он слегка косил на оба глаза, и это делало его забавным. Но никак не милым. Сколько времени прошло с тех пор, как Артема забрали в отдел, а он только-только появился.

– А мы к тебе!

– Кто это мы? – хмуро спросил Артем.

– Ну, мы, с адвокатом... Знакомься, Игорь Владиславович...

– Поздно уже.

– Что так?

– Это мой отдел, я здесь служить должен был...

– Что, выперли?

– Лучше не спрашивай...

– Значит, выперли...

– До «Ямполь» добросишь?

– Не, туда не надо, там нас нехорошо запомнили, – зачастил Макс. – Поехали в «Катушку», там сауна, девчонок закажем...

– Баста, карапузики! – вымученно улыбнулся Артем. – Кончились танцы!.. В «Ямполь» давай, за машиной...

Его «Икс-пятый БМВ» стоял на стоянке у главного входа. Все было в порядке, если не считать, что вся крыша была загажена птицами, истыкана их клювами.

– Вот уроды! – громко возмутился Макс. – Зерна на крышу насыпали! Я знаю, мы так одного ухмырка проучили... А эти с тобой! Ну, козлы!

Нетрудно было догадаться, кто сотворил такую подлость. Кто-то из обиженных охранников напакостил или даже сам стриптизер. Но ничего не докажешь. Да и не в том положении был Артем, чтобы идти выяснять отношения. Тем более что краска на машине оказалась крепче голубиных клювов. А помет легко смывается... Если бы и позор с души можно было бы так просто смыть...

Глава 4

Отдел особых расследований размещался в районе Садового кольца, в здании упраздненного отделения милиции, которое делил пополам с паспортно-визовой службой. Сварная ограда, аккуратный дворик с цветочными клумбами, отдельный вход под пластиковым козырьком, светлый вестибюль с евроремонтом, где за столиком в тишине и спокойствии обозревал утреннюю прессу дежурный сержант, вооруженный одним лишь табельным пистолетом. Дежурной части как таковой здесь не было, также за ненадобностью отсутствовали камеры для временно задержанных лиц. Может, потому и не давил здесь на психику прогоркло-казенный дух, присущий беспокойным отделам внутренних дел.

Входная дверь была открыта, поэтому Артем своим поведением не очень обеспокоил дежурного милиционера, лишь отвлек его от чтения.

– Я вас слушаю! – Сержант настороженно подался к нему, чуть приподнявшись со своего места.

Артем удержался от искушения надеть парадную форму. И повседневно оставил дома. Рано еще представляться по случаю прибытия к новому месту: сначала надо испытательный срок пройти. Оделся он просто – классическая джинсовая двойка без всякого шитья, рванья и прочего тюнинга. И футболка не вызывающая – белая в тонкую зеленую полоску. Неброские туфли – удобные и разношенные. Но главное – служебное удостоверение, которое он, как на грех, забыл взять с собой в ночной клуб.

– Мне нужен майор Вештель, – предъявив документы, сказал он.

– Проходите, – сержант показал на лестницу, ведущую на второй этаж.

– Да я могу и здесь подождать, – Артем кивнул в сторону дивана из дешевой мебельной кожи.

Он не хотел омрачать свой первый день опозданием, поэтому заблаговременно выехал из дома, но дорога расстелилась перед ним скатертью – минимум попутных машин, зеленый свет на светофорах. Словом, до начала рабочего дня оставалось без малого полтора часа.

– Зачем ждать? Она уже на месте...

– Она?!

Начальник уже на службе, и удивляться здесь было нечему. Но Артема шокировало, что речь шла о женщине.

– Да, Вештель Варвара Карловна. А что такое?

– Ничего... Какой кабинет?

– А там их всего два. Одна приемная на два кабинета...

Как успел заметить Артем, на первом этаже кабинетов было много, а на втором, оказалось, всего два. Начальство на то и существует, чтобы возвышаться над подчиненными.

Лестница выводила в просторный холл-приемную, одна стена которого служила галереей для портретов «звезд» советской эстрады. На фотоснимке с изображением Льва Лещенко Артем заметил слова благодарности, а также роспись, выведенные именитой рукой. Под портретом Аллы Пугачевой автографа не было. Зато под изображением Иосифа Кобзона висел самый настоящий автомобильный номерной знак современного образца – к063он. Оригинально. Если цифру «6» можно было прочесть как букву «б», то выходила знаменитая фамилия.

– Это нам из ГИБДД передали, – неожиданно прозвучал за спиной приятный женский голос.

Артем воздержался от резких движений, чтобы не выдать своего смятения. С невозмутимым видом обернулся на голос и увидел стройную женщину лет тридцати пяти. Гладко и туго зачесанные назад волосы русого цвета, резко и строго очерченные брови, матовая кожа

лица, большие раскосые глаза с глубокими черными зрачками, широкий лоб совершенно без морщин, высокие скулы, прямой «арийский» нос... Все хорошо, а вот губы подкачали. Силиконом. И, судя по едва заметной асимметрии, не очень удачно. Пухлые губы с влажным жирным блеском... Зато форменный мундир сидел на ней безукоризненно – ни единой пылинки, складочки, на гладких ровных погонах майорские звезды – похоже, из настоящего золота.

Если сделать скидку на губы, то эту женщину можно было бы назвать иконой милиционерского стиля.

– Просили, чтобы мы с Иосифом Кобзоном связались, – продолжала она.

Лицо непроницаемо спокойное, но взгляд энергичный. Артема она рассматривала со сдержанным интересом.

К разряду красавиц ее можно было причислить без особой натяжки. Вряд ли она испытывала дефицит мужского внимания. Во всяком случае, в ее глазах не было и проблеска той жажды, которая испытывают неудовлетворенные женщины. И отсутствие обручального кольца на правой руке – что не укрылось от его внимания – еще ни о чем не говорило. Даже если мужа нет, мог быть любовник – обычное дело.

– И что, Иосиф Давидович отказался? Или это копия? – пальцем коснувшись номерной жестянки, спросил Артем.

– Отказался. Сказал, что вышел из пижонского возраста.

– Жаль... Жаль, что моя фамилия не вписывается в эти рамки. Буква «н» под цифру не подходит...

– Ваша фамилия Гончар.

– Совершенно верно. Гончар Артем... Отчество в личном деле.

– Там же и звание, – прохладно и с укором посмотрела на него женщина.

– Лейтенант Гончар... Э-э... представляюсь по случаю прибытия... Извините, я не в форме...

– Не в форме, – кивнула она. – И не по форме... Я вижу, что вы не воспринимаете всерьез ту работу, которой вам, возможно... возможно, придется заниматься. Боюсь, что в вашем понимании – это легкомысленная прогулка по миру «звезд», ни к чему не обязывающая феерия... Но совершенно не боюсь разочаровать вас в том, что это не так. Наша работа достаточно сложная, ответственная и не любит суеты. «Звезды» – это особые люди. Не будем говорить об их достоинствах и недостатках, скажу, что это публичные люди, они на виду, под пристальным вниманием – и не всегда поклонников или просто благожелательных людей. Есть определенная категория профессиональных преступников, которые считают за честь обокрасть или даже ограбить «звезду». Хотя о чем я говорю, откуда у этих людей может быть честь?... Достаточно остро стоит проблема кумиров и поклонников. Фанатизм – это уже своего рода шизофрения, а от тихого помешательства до буйства один шаг. «Звезд» терроризируют телефонными звонками, не дают проходу, им угрожают физической расправой, и не только им, их родственникам... И сам тот мир, в котором живут «звезды», полон страстей, заговоры, интриги и, увы, криминал... И со всем этим мы и работаем, в нашем ведении весь спектр криминальной милиции – от мелкого мошенничества до изошренных убийств...

Варвара Карловна обладала уникальным голосом. Сам по себе приятный для слуха, он звучал на ласкающе-убаюкивающей частоте. Артем хорошо помнил Сергея Марковича с кафедры теории права; голос этого мужчины можно было использовать в качестве генератора альфа-ритмов, активация которых сначала вводит человека в состояние расслабленного бодрствования, а затем в сон. Ему хватало десяти минут, чтобы усыпить свою собственную бдительность, а потом и всех, кто находился в аудитории. Но в голосе Сергея Марковича не было чувственной составляющей, а речь Варвары Карловны не просто убаюкивала, но еще и настраивала на эротические фантазии – пока что смутные и даже бесстрастные.

– И дилетантам в нашем деле, как вы должны понимать, делать нечего...

Это фразу Артем принял на свой счет, поэтому внутренне встряхнулся, отогнав закружившую над ним химеру.

– Дилетанты никому не нужны.

– Это верно. Но ведь от них везде стараются избавиться, – Варвара посмотрела на него пристально, со скрытой насмешкой.

– В одном месте от меня уже избавились. Вы это хотите сказать?

Артем бы мог сделать вид, что не понял намека, но ему нужна была хотя бы относительная ясность в отношениях с начальником. Если майор Вештель не хочет, чтобы он работал в отделе особых расследований, то пусть скажет об этом сразу.

– Я хочу сказать, что вы неплохо справились с задачей, которую вам никто не ставил. Я имею в виду случай с певицей Алекой... К сожалению, в погоне за славой «звезды» не брезгают криминальными пиар-акциями. Надуманные фанаты-маньяки, вымышленные угрозы, несуществующие кражи, автоугоны, даже собственные похищения... Вот, например, известная певица Маша Светлова. Исчезла в конце мая этого года, три месяца о ней ни слуху ни духу. Три месяца, а заявление о пропаже поступило только сейчас... Может, с ней правда что-то случилось, а может, это очередная пиар-акция на нашу голову.

– Но все равно ее надо искать.

– Разумеется, надо. Разумеется, будем работать... И с вами тоже будем работать, молодой человек. Посмотрим, чего вы стоите, соответствуете ли требованиям.

– Не боги горшки обжигают.

– Не боги, – кивнула майор.

Судя по выражению ее глаз, она сочла его реплику банальной.

– А гончары, – улыбнулся Артем.

– Да, да, гончары, – с приятным удивлением повела она бровью. – Гончары обжигают, товарищ лейтенант Гончар...

Она собиралась еще продолжить разговор, но в приемной появилась девушка в милицеской форме с погонами старшего лейтенанта.

– Здравствуйте, Варвара Карловна! – вежливо и в гражданской неуставной манере поприветствовала она начальницу.

Ее можно было сравнить с Варварой Карловной: такая же красивая, также тщательно ухоженная «от» и «до». И форма смотрелась на ней великолепно, китель прямой, не приталенный, но при этом легко угадывались стандартные «шестьдесят» в талии, и юбка волнующе облегла вторые «девяносто». Туго стянутые назад волосы темно-каштанового цвета, черные брови вразлет – густые, но безжалостно истощенные щипцами, сочные глаза – коричневые с золотистыми вкраплениями; нежная кожа лица с загаром теплого оливкового оттенка... Она могла сравниться со своей начальницей, но с выгодой для себя. Глядя на нее, Артем готов был мысленно забрать у Варвары Карловны и передать ей титул «икона милицеского стиля».

– Здравствуй, Катя.

Вештель подозрительно покосилась на Артема. Ей не понравилось, с каким интересом он рассматривал девушку. Не похоже было, что новый сотрудник понравился ей как мужчина, а с пустого места женщины, как правило, не ревнуют. Да и не было ревности... Скорее всего Варвара Карловна не была сторонницей служебных романов. Если так, то Артем был с ней солидарен. Ложка хороша к обеду, а красивая женщина – к ресторану в свободное от службы время. Девушку можно поужинать и потанцевать, а потом красиво расстаться, чтобы со временем переключиться на другой вариант. А с сотрудницей такой номер не пройдет – с ней придется объясняться, а возможно, и бегать от нее по коротким коридорам служебной территории.

Девушка посмотрела на него с интересом, но без трепетного содрогания во взгляде.

– Катя, это наш новый сотрудник, – сказала Варвара Карловна. И, немного подумав, добавила: – На испытательном сроке... Пусть пока побудет здесь. Можешь приготовить ему кофе.

Она скрылась в своем кабинете, а девушка заняла место за столом в приемной. Артем озадаченно потер пальцем подбородок.

– Вы чем-то удивлены? – догадалась девушка.

– Ну, звание у вас офицерское...

– А работаю секретаршей... Но это вы так думаете. На самом деле я еще и пресс-секретарь...

– И что вы можете предложить мне из прессы? – спросил он, опустившись в кресло по другую сторону стола.

– Я могу предложить вам кофе, – колко улыбнулась она. – Варвара Карловна распорядилась...

– Надеюсь, если я на испытательном сроке, мне полагается кусочек сахара?

– Надежда умирает последней.

– Да, после Веры и Любви... Но вас, кажется, Катей зовут.

– Для кого-то Катя, а для кого-то Екатерина Алексеевна.

– Упс! А фамилия? Случайно не Великая?

– Нет, и даже не Романова...

– Что ж, тогда, я думаю, мы можем перейти на «ты»...

– Можем, – иронично улыбнулась девушка. – Но после того, как вы пройдете испытательный срок.

– А что, могу не пройти?

– Можете пролететь.

– Были прецеденты?

– О! Сколько угодно!

– Даже министр МВД, говорят, к вам пробовался, но...

– Нет, вас обманули, министр МВД к нам не пробовался.

– А министр по «звездам»?

– Не слышала о таком министре.

– Я, если честно, тоже. Но думаю, что есть такой министр. Если есть отдел особых расследований, то есть и особое министерство...

– Вот вас туда и отправят, если не пройдете испытательный срок... Ваш кофе!

– Надеюсь, с сахаром.

– Да.

– От всей души?

– От всего чалда!

– А ругаться зачем?

– Я не ругаюсь, – слегка смутилась Катя. И с насмешкой: – Это пакетики для кофеварок...

Артем уже обратил внимание на аппарат. Серьезная кофемашина с автоматической подачей сахара. У него на кухне стояла примерно такая же. И что такое чалды, он, конечно же, знал.

– Фильтры-пакетики с молотым кофе, – уточнил он. – Но сахара там нет. Сахар отдельно...

– Какая разница?

– Большая. Такая, как между холодным чалдом и горячей душой... Спасибо за сахар...

Екатерина Матвеевна.

– Алексеевна.

– Если от всей души, то какая разница, Матвеевна или Алексеевна?.. Вот если от всего чалда... А я от всей души, Катенька. Только не думай, что я с тобой заигрываю. Просто кофе у тебя такой чалдовский, что расцеловать тебя захотелось. Мысленно, само собой...

Артем опомнился и ущипнул себя за ладонную подушку большого пальца. Понял, что увлекся, и осадил себя. Не нужны ему служебные романы; и хорошо, если Катя придерживалась того же мнения.

В приемной появился парень в штатском, несколько иного телосложения. Рост ниже среднего, длинная взлохмаченная голова, глубокие круглые глаза, смешные оттопыренные уши, большой рот с тонкими губами. Шея тонкая, но плечи широкие, даже атлетические, можно сказать. И живот – большой комок нервов. Ноги короткие, кривые, но ступня как минимум сорок шестого размера. Бледная, не поддающаяся загару кожа лица, тусклые глаза, вислый нос, вялые щеки, рыхлый подбородок. Брови густые, длинные и наискось к середине лба, отчего создавался эффект плачущего лица. Налицо были все признаки слабого характера, ничемного и совершенно не уверенного в себе человека.

Но походка этого индивидуума свидетельствовала об обратном. Шаг широкий, размашистый, движения энергичные. Он столь стремительно приближался к столу, что могло показаться, будто он собирается опрокинуть его вместе с Катей. Остановился он в самый последний момент. Покачнулся, как будто его тело крепилось к ногам посредством пружинистых рессор. Артем едва успел отдернуть руку, в которой держал чашечку с кофе.

– Катя, привет! – бойко поздоровался парень. – Варвара у себя?

– Федя...

– Петя! – подняв указательный палец, поправил он девушку.

– Сядь, Петя, успокойся! Варвара Карловна тебя не звала.

– У меня срочное сообщение!

– Будет совещание, будет и сообщение... Кофе будешь?

– Капучино. С ванильным сиропом и карамельным топпингом!

– Федя...

– Петя!

– Садись, Петя, будет тебе топпинг!

Парень резко повернулся к Артему спиной, собираясь опуститься в занятое кресло.

– Эй, Федя!

– Петя!

Он стремительно развернулся к Артему лицом, бросил на него быстрый взгляд, протянул ему руку.

Хотел назвать свое имя, но Артем его опередил:

– Я уже понял, ты Петя!

– Петя... Э-э, Крякин... Капитан Крякин...

– Не врешь?

– То, что Крякин?

– Нет, что капитан.

– Этой весной присвоили... Был майором, а стал капитаном... – Петя широко раскрыл рот и ткнул в Артема пальцем. – Что, поверил?... Старлеем был, а капитана дали...

– Не догнали? – насмешливо спросила Катя.

– Что? – взбалмошно глянул на нее Петя.

– Догнали бы, говорю, майора бы еще дали...

– А-а, молодец! Ценю за юмор! Будешь работать в моей команде!

– Мне и здесь хорошо, – язвительно улыбнулась девушка.

– Здесь и будешь работать. Но со мной...

– Ты сначала сам в штат встань.

– А ты что, тоже на испытательном сроке? – спросил Артем.

– Ну, пока да... – слегка замялся Крякин. – Но это уже решенный вопрос. Варвара меня ценит, Варвара за меня горой...

Артем заметил, как махнула на него рукой Катя. Дескать, соловей горазд свистом, а Крякин – трепом.

Приемная постепенно заполнялась людьми. Вслед за Крякиным появился известный Артему майор Безроднов, далее – хорошо одетый сухопарый мужчина с аристократическим складом лица и мягким блеском в глазах. Капитан Зиновьев. После него в приемную зашел старший лейтенант Самочаров – атлетического сложения парень с нежным, как у девушки, лицом и жестким трубным басом. Все они были в штатском, что позволило Артему вздохнуть с облегчением. Не хотелось ему быть белой вороной среди людей в форме. Поддавшись всеобщему и отнюдь не унылому настроению, он ощутил скромное желание поскорее стать полноценным сотрудником «звездного» отдела.

Глава 5

Радужная пульсация света, энергетическая музыка, круглый вращающийся постамент с пилоном, верхняя часть которого терялась где-то в облаках красного дыма. Варвара Карловна поражала своей гибкостью и пластикой движения. Артем вожаделенно тянул к ней руки, наблюдая, как она танцует...

Ничего на ней нет, только серебристые стринги с едва заметной задней ниткой. И непонятно, как на ней вдруг появилась милицейская рубашка, обрезанная снизу ровно наполовину своей длины. Потом она впрыгнула в китель с оторванными у основания рукавами. Схватившись за шест обеими руками, она принялась крутить бедрами, но ее развратные стринги уже были скрыты под грубой шерстяной материей форменных брюк-галифе с красными генеральскими лампасами. До блеска начищенные хромовые сапоги на неуставных гипервысоких шпильках... Вот она крутнулась на каблуках, водрузила на голову фуражку с двуглавым орлом, вместо крыльев у которого красовались два дьявольских рога. Непонятно, как в руке у нее образовался кнут, но щелкнул он столь устрашающе, что у Артема вздыбились волосы. Облизнув языком распухшие от силикона губы, Варвара Карловна направилась прямо к нему. И снова щелкнула кнутом...

– Гончар!

Это был ее голос. И прозвучал он прямо над ухом. Артем распахнул глаза, потрясенно вскочил со своего места. Варвара Карловна стояла перед ним без дьявольской фуражки, в исправном кителе, застегнутом на все пуговицы. В глазах лишь праведный гнев и ни единой распутной искринки. Как будто и не было никакого эротического танца...

– И где мы были этой ночью? – спросила она голосом, каким рассерженная учительница отчитывает проштрафившегося ученика.

– В ночном клубе... То есть меня там не было...

– А кто был? Я?!

Безроднов раздул щеки, пытаясь удержать смех. Развеселил Артем и всех, кто находился в кабинете.

В случившемся он должен был корить только самого себя. Но виновата была и Варвара Карловна. В приемной он смог устоять перед ее баюкающим голосом, но в кабинете, за столом на удобном стуле он поддался ее чарам и заснул эротическим сном. И еще какую-то околесицу выдал спросонок...

– О чем я говорила, Гончар? – язвительно спросила Вештель.

– Киркоров опять кого-то на три буквы послал...

Он мог побиться об заклад, что Варвара Карловна говорила про поп-короля.

– Ну да, Киркоров матерится через каждое слово, потому что чаще не получается, – саркастически усмехнулась она. – Витас дышит жабрами, отчего у него выросли плавники. Жанна Агузарова отправилась в инопланетный тур по Млечному Пути с заходом в порт Большой Медведицы... Мы что здесь, по-вашему, сплетни собираем?

– Я этого не говорил, – хмуро посмотрел на нее Артем.

– Ваше поведение об этом говорит... Да, я говорила о том, что Киркоров нахамил журналистке известного издания, но в каком контексте это прозвучало?

– Нельзя верить тому, что пишут в прессе.

– Нельзя, – передразнила его Варвара Карловна. – А вам, товарищ лейтенант, можно верить?

Она спросила у Артема, а посмотрела на Безроднова, потому что он пригласил его на работу к ней в отдел.

– То вас из ночных клубов под конвоем увозят, то на совещаниях засыпаете...

– Сегодня он играет джаз... – тихонько начал Артем.

– Что? – вздыбилась Вештель.

– А завтра Родину продаст, – более громким голосом закончил он.

– А может, и продашь... Так, все свободны. Гончар и Крякин, оставайтесь.

Капитан Крякин сидел рядом с Артемом. Сидел молча и неподвижно, как будто кто-то заморозил его изнутри. Если бы не взгляд, устремленный на Варвару Карловну, его можно было бы принять за окоченевший труп. А смотрел он на нее с обожанием.

– Товарищ капитан, что с вами? – с едва заметным раздражением спросила Вештель. – Вы не заболели?

– А-а, заболел... Слегка...

– Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Вы?! Вы да, можете... Только вы и можете мне помочь... Э-э... вы должны выслушать меня. Я хотел сказать сразу, но Катя меня к вам не пустила. А это не так уж и важно...

– Что не важно? То, что Катя не пустила вас ко мне?

– Да нет, информация не важная. То есть не имеет значения... Заявления нет, значит, и дела тоже. Но если брать к сведению, то это может быть интересно...

– Что интересно?

– Информация... Маисов обвинил Черницына в том, что он украл у него из гримерки его любимый лифчик. Это кража, это статья. Но не было никакой кражи. Клевета была, а кражи не было. Я выяснил, что Маисов оклеветал Черницына, потому что парень отверг его грязное предложение...

– Кого Маисов обвинил? – саркастично усмехнулась Варвара Карловна.

– Романа Черницына, солиста группы «Плазма». В краже обвинил, которой не было...

Ответственно заявляю, что это ложь и клевета.

– А Черницын что заявляет?

– Ничего.

– И от Маисова заявления не было.

– Вот и я говорю... Маисов Черницына возбудить не может, а мы – дело...

– А Черницын Маисова возбуждает? – спросил Артем.

– Э-э... думаю, что да, – кивнул Крякин. – Уверен, что да...

– Значит, и дело возбудить можно.

– Ну, если с этой стороны подойти... – всерьез задумался капитан.

Варвара Карловна посмотрела на Артема с осуждением, но без досады и возмущения. Она оценила его шутку, но ей не понравилось, что Крякин на нее повелся. Поэтому она шелкнула пальцами прямо перед его глазами.

– Маисов нас пока не интересуется, – сказала она. – И Черницын тоже. И дело возбуждать мы не будем... Что еще вы можете сказать?

– Что еще?... Ну, я работал, я старался... Вы обещали взять меня в штат.

– А ты этого заслужил? – перешла на «ты» Вештель.

– Н-нет... То есть н-не знаю...

– И я н-не знаю, – передразнила его женщина. И, глянув на Артема, добавила: – И насчет тебя тоже не знаю... Не знаю, что с вами делать...

– Да я, в общем-то, и не напрашиваюсь, – пожал он плечами.

Неопределенность всерьез действовала на нервы. И Артем уже созрел для того, чтобы махнуть рукой на «звездный отдел». Отец поможет ему с должностью в каком-нибудь ОВД, и он сможет начать работу, к которой стремился последние шесть лет своей жизни.

– А ты напрашивайся, – с укором посмотрела на него Вештель. – Тогда я пойму, что ты хочешь работать...

– Одного желанья мало.

– Да, одного желания мало. Нужен результат... В общем, займетесь работой. Вы, товарищ капитан, и вы, товарищ лейтенант. Я, кажется, уже говорила о Маше Светловой. Исчезла в конце мая, заявление о пропаже поступило только сейчас... Ваша задача – найти пропавшую «звезду».

– А если она сейчас на Сардинах где-нибудь? – занервничал Крякин. – Или по морю на яхте катается...

– Езжайте на Сардинию, – с тусклой усмешкой посмотрела на него Варвара Карловна. – А если на яхте, можете вертолет взять.

– У кого?

– У Бори Маисова.

– А у него есть вертолет?

Артем не вытерпел и ткнул Крякина локтем в бок. Он хоть и старше по званию, но это не давало ему права устраивать балаган из... Балаган из балагана, иначе и не скажешь...

Из кабинета Крякин выходил в расстроенных чувствах.

– Где мы эту Светлову найдем?

Он обращался к Артему, но отозвалась Катя:

– Какую Светлову?

– А тебе это интересно? – облизнув ее плутовским взглядом, спросил он.

– Если честно, то нет, – в ожидании подвоха напряглась девушка.

– Да? Ну, тогда все равно два кофе!

– Только из одноразовых чашечек.

– Эх, Катюша, я бы хотел пить кофе из твоих губ... – разудало начал было Крякин, но, испугавшись собственной смелости, замолк и хлюпнул носом.

Катя в изумлении расширила глаза. Артем галантно спрятал усмешку в кулак.

– Я люблю из одноразовых, – растерянно сказал Крякин. – Они тонкие, хорошо руку греют...

– Ну, тогда согревайся, Федя.

– Петя.

– Вот я и говорю...

Пластиковые кружечки девушка поставила на стол.

– Ты, товарищ капитан, собирался Катю в свою команду взять, – насмешливо сказал Артем. – Придется брать. Вместе с ее приемной. Кабинета у нас нет, здесь заседать будем... Красивая умная девушка, кофе в любой момент, что еще нужно для продуктивной работы?

– Маша Светлова нужна, – резонно заметил Петя.

– И чалды, – сыронизировала Катя. – Чтобы кофе в любой момент...

– Чалды – не проблема. Чалды – это мы. А как чалдам Светлову найти? – спросил Артем.

Майор Вештель не объяснила, с чего им нужно было начать розыск Светловой. Даже не сказала, к кому поступило заявление о пропаже человека, кто подал его. Складывалось впечатление, будто она сделала так нарочно, чтобы Артем и Крякин не справились с заданием. Как хотите, так и копайте – найдете кость, хорошо, нет, и черт с вами...

– Во-первых, не Светлову, – отозвалась Катя. – А Чернову. И зовут ее Марина. Маша Светлова – сценический псевдоним.

– Была Черновой, стала Светловой, – подытожил Артем.

– Банальная антонимия, семантическая противоположность...

– Ты второй человек после Варвары Карловны, – подластился к ней Артем. – Ты должна знать, откуда поступило заявление о том, что она пропала...

– Из ОВД «Дорогомилово». Светлова же на Кутузовском живет... Или жила... Может, и правда с ней что-то случилось. А то Варвара Карловна думает... может, это рекламный ход... А вы что, искать ее будете?

– Ищут пожарные, ищет милиция, ищут фотографы в нашей столице, – в раздумье процитировал Артем.

– Он хотел сказать, папарацци, – подправил его Крякин.

– Папарацци за ней не охотились, – покачала головой Катя. – Звезда Светловой давно уже вышла из зенита...

– Давно, – кивнул Крякин. – Я читал, она вышла замуж за олигарха.

– Ерунда. Информационная утка, – мотнула головой Катя. – Способ привлечь к себе внимание... Потому Варвара Карловна и не верит, что она действительно пропала...

– Верит – не верит, а искать ее надо, – сказал Артем.

– Я так понимаю, ищут ее всерьез, если на поиски брошены лучшие силы, – сказал Крякин.

– Что ты еще про нее знаешь? – спросил у Кати Артем.

– Кофе выпил? – усмехнулась она. – Тогда гуд бай лучшим силам! И удачи чалдам!

– А как же приемная?

– Для вас неприятный день!.. Ну, правда, идите, не мешайте работать!

Артем молча пожал плечами и покинул приемную, спустился вниз, вышел во двор, сел на скамейку в пустующей курилке. Погода хорошая: солнце, приятный теплый ветерок, а на душе пасмурно и морозящий дождь. Ощущение такое, будто он только что получил пинка под зад. Не так было бы обидно, если бы Варвара Карловна отказала ему в работе, он бы тогда нашел, чем заняться. А то напустила туману и выгнала в никуда. Ни должности, ни кабинета, вместо этого сплошная неопределенность.

– Что делать будем? – пнув ногой пустую сигаретную пачку, спросил Крякин.

– Ты начальник, тебе и решать...

– Вот именно, я капитан, а ты всего лишь лейтенант. И со мной на «ты»...

– А это как лузер лузеру... – усмехнулся Артем. – А может, и не капитан ты вовсе.

– Капитан. Удостоверение могу показать... И Вештель меня старшим назначила...

– Она может быть такой же бутафорией, как и вы все здесь.

– Бутафория?! А убийство Еремы Блатова? Кто им занимался? Вештель занималась и убийцу нашла. А ты говоришь, бутафория...

– Ерема Блатов? «Звезда» русского шансона?

– Два года назад его проект был назван самым успешным коммерческим проектом года. Из-за денег его убили... А Светлова? Может, ее и в живых-то уже нет. Она женщина красивая, видная, может, кто-то из отвергнутых поклонников постарался...

– Вештель в это не верит.

– А это ее право, верить или не верить. И выбор у нее есть. Нас на розыск назначила, а могла кого-то другого... У нас выбора нет: или найдем Светлову-Чернову, или обратно в отдел... Не знаю, как ты, а мне хотелось бы здесь работать, – закуривая, сказал Крякин.

– Оценка «три» вам, товарищ капитан, – насмешливо посмотрел на него Артем.

– За что?

– Не знаете, как я... Должны знать, что я тоже хочу работать. Иначе бы меня здесь не было...

– Логично. Но почему «три», а не «два»?

– Потому что я сам уже не знаю, нужно мне все это или нет... Как я работать буду, если у меня удостоверения даже нет?

У него было только удостоверение младшего лейтенанта милиции, полученное еще по окончании стажировки. По выпуску из академии ему было присвоено звание «лейтенант», но удостоверение по этому случаю не выдали. «Корочки» Артему полагалось получить в отделе кадров ОВД, куда он должен был прибыть для прохождения службы. Но ведь его не зачислили на должность в следственный отдел Ильинского ОВД, не отдали приказом. И в особом отделе

он как бы не числится, поэтому здесь ему «конкретное и грозное» удостоверение с местом службы и должностью не светит. Артем понимал, что в негласных табелях о рангах проходит по графе «чепэшник», но это вовсе не значило, что ему нравилось находиться в подвешенном состоянии.

– А ты Кате скажи, она все организует. И приказ будет, и вкладыш стажера... Я уже второй месяц так...

– Да? Ну, если есть опыт... – Артем вынул из кармана удостоверение, протянул его Крякину. – К тому же ты начальник...

– А ты как думал? Конечно, начальник! – гордо расправил плечи тот.

Забрал удостоверение, с важным видом зашел в здание, минут через пятнадцать вернулся.

– Послезавтра будет готово, – присев на скамейку, сказал он.

– А «ксива» где?

– Катя забрала. С вкладышем и вернет...

– Послезавтра?

– Послезавтра, – как на неразумного смотрел на него Крякин.

– И что я без «ксивы» до послезавтра буду делать? Без «корочек», без полномочий...

– Если Светлова три месяца терпела, то ей ничего не стоит день-другой обождать.

– А через день-другой мы начнем ее искать и сразу же найдем...

– Найдем. Не сразу, а найдем... А пока информацию о ней собирать будем. Интернет, пресса, выдержки-вытяжки, все такое... Информацию о поклонниках надо собрать... Интернетом пользоваться умеешь?

– А что это такое? – хмыкнул Артем.

– Я объясню, – ничуть не удивившись его «дремучести», с энтузиазмом вызвался Крякин.

– Давай начинай...

Он вынул из кармана раздвижной коммуникатор, «раздвоил» его на экран и клавиатуру, протянул капитану.

Крякин почесал затылок, но прибор взял. Озадаченно покрутил его в руках.

– Стилус возьми, – посоветовал Артем.

В ответ Крякин отмахнулся, дескать, сам знаю, что такое стилус, но как-нибудь без него обойдусь. Но ничего он не знал, поэтому Артем забрал у него коммуникатор, сам выставил из специального гнезда пластиковую палочку, вошел в Интернет, сделал запрос в поисковую систему – «певица Маша Светлова».

Сначала он заглянул в Википедию.

– Певица Маша Светлова, в скобках – Марина Викторовна Чернова. Родилась 18 июня 1974 года в городе Воронеже. Занималась балетными танцами, училась в музыкальной школе по классу фортепьяно. В десятом классе общеобразовательной школы организовала вокально-инструментальный ансамбль «Ворон и Еж», руководителем и солисткой которого сама и была. Ансамбль принимал участие в различных конкурсах... Различные – это какие? Художественная самодеятельность?

– А уточнение там есть? – заинтригованно спросил Крякин.

– Нет. Просто – различные конкурсы...

– Значит, ничего не было. Так, для красного словца написано...

– Очень даже может быть... В 1990 году поступила в Институт имени Гнесиных на факультет эстрадного пения, закончила в 1995-м... Так, едем дальше. Нет, сдаем назад, потому как дебют на концертной эстраде состоялся в 1994 году в Москве в кинотеатре «Варшава» с песней «Плачь без меня»... Что-то не помню такую песню...

– Молодой потому что, – сказал Крякин, снисходительно хлопнув Артема по плечу. – И не плакал, наверное, никогда... А я плакал. Без нее... Под эту песню...

– По ком плакал?
– По Маше плакал.
– Ты что, влюблен был в Светлову?
– Нет, не в Светлову. В Белову. Маша Белова, мы с ней в школе учились, я в нее влюблен был, а она замуж за Лешку вышла. Эта песня у нее на свадьбе звучала. Она смеялась, а я плакал. Без нее...

– Сопляком был, потому и плакал.
– Нет, не сопляком. Я тогда в армию собирался...
– Это в девяносто четвертом? Сколько ж тебе сейчас?
– Тридцать один.
– Совсем большой, – слегка обескураженно сказал Артем.

Он почему-то думал, что Крякин был всего на год, максимум на два старше его.

Тридцать один год, капитан милиции, а выглядит, как мальчишка-переросток. Иногда и ведет себя соответствующе...

– Доживешь до моих лет, тоже большим будешь... Что там еще про Светлову?

– Да ничего такого. В девяносто шестом вышел первый ее альбом, в девяносто седьмом году состоялся сольный концерт в концертном зале «Россия» и в зале «Октябрьский» в Петербурге, девяносто восьмой – второй альбом... Так, успех альбому обеспечил видеоролик на заглавную песню альбома «Буду твоей!» – вызывающий и эротичный... Хотел бы я посмотреть этот ролик...

На сайте Википедии присутствовала фотография певицы полуанфас. Роскошные светлые волосы цвета пепельный блондин, большие полузакрытые глаза с длинными ресницами, изящный носик, чувственный рот, туманная белозубая улыбка... Фотографии в полный рост не было, но Артем не раз видел Машу Светлову на телеэкране и не мог не признать, что фигура у нее отменная: ноги длинные, стройные – не зря певица предпочитала короткую юбку. И лицом, и телосложением она ярко напоминала Ким Бесинджер, голливудскую кинозвезду девяностых.

– Захочешь – увидишь, – лаконично изрек Крякин.

– Уже хочу... Движемся дальше. В 1998 году Маша Светлова принимает участие в церемонии открытия телевизионного канала МТВ, а также в концерте, посвященном этому событию... В девяносто девятом выходит очередной альбом, но коммерческого успеха он уже не имел. А почему? Да потому что певица изначально акцентировала его как некоммерческий. Ну да, серьезная музыка, не для всех, для избранных, так сказать...

– Обычное дело. Сначала выходят в тираж, а потом начинают придумывать сказки о том, что всю жизнь мечтали писать музыку для симфонических оркестров...

– Надо же что-то говорить, вот и заливают соловья... Так, что там у нас в закате? Маша Светлова не только поет, но и пишет серьезную музыку... Что и требовалось доказать... Так, сочиняет детские сказки... Петро Федорыч, насчет сказок – точное попадание... Занимается живописью, дизайном... И напоследок – дает благотворительные концерты, за что, конечно же, ей честь и хвала... Все, больше ничего... Да, кстати, ты обещал Интернету меня научить...

– Не глумись, – голосом пастора отсек Крякин. – Уважай мои седины... А насчет Светловой, так о ней с двухтысячного ничего не слышно.

– И ты больше по своей Маше не плачешь?

– Нет.

– Жена не разрешает?

– Разрешала... Когда была женой, разрешала... Я же на ней и женился. Она через три года развелась, мы потом еще пять лет встречались. Ну и поженились. А через месяц развелись...

– Чего?

– Характерами не сошлись. Да и вообще, – обреченно махнул рукой Крякин.

– Сам ты откуда?

- Из Питера. Десять лет там отслужил, теперь вот здесь...
 - Что, из Питера в Москву приехал, чтобы со «звездами» работать?
 - Ну, и это тоже...
 - А что, еще что-то есть?
 - Есть, но не скажу. Если не дурак, сам узнаешь. Может быть. Когда-нибудь...
 - А живешь где?
 - Да пока нормально все. Друг у меня здесь один служит, у него дача в Орехове-Зуеве, ну, летний вариант. А к зиме что-нибудь придумаю. Или обратно в Питер вернусь. Там у меня комната в коммуналке...
 - Далеко ты забрался.
 - Ничего, я привык. На электричке туда-сюда. А по выходным природа, рыбалка...
 - Это пока лето.
 - До зимы дожить надо.
 - Доживешь. Если Светлову найдем... В ОВД надо ехать, куда заявление поступило...
- Если с кого-то и нужно было начинать розыск, то с человека, который подал заявление о пропаже Маши Светловой.

Глава 6

Первый закон женской логики – любой аргумент, даже самый обоснованный, не будет убедительным, если мужчина не сможет уложить его в одну фразу. Любое сомнение в голосе и неуверенность во взгляде могут поставить крест на любом доводе. Фраза должна быть короткой и выпуклой. Если, конечно, ее нельзя было подкрепить, ну, например, удостоверением сотрудника милиции.

– Мне надо! – нахраписто, с обезоруживающей улыбкой выстрелил Артем.

– Ну, если надо... – озадаченно протянула девушка за стойкой.

От нее пахло дешевым парфюмом и дымом дорогих сигарет.

Только что она пыталась убедить Артема, что Евгений Щеколдин чрезвычайно занят, но его аргумент – незатейливый по содержанию и емкий по форме – заставил ее отправиться за стилистом салона.

Она привела его откуда-то из подсобки. И тихо прыснула в кулачок, глянув на Артема. Похоже, она решила, что он такой же нестандартный...

Неординарность Щеколдина лезла в глаза. Экстравагантный вид, эпатажный стиль в одежде, женская изнеженность в мужском футляре. Чудо в перьях или ошибка природы – одно из двух, а может, и то и другое.

– И кому я тут очень нужен? – в замедленном темпе хлопнул в ладоши стилист.

Артема он рассматривал с откровенным интересом. Манерные ужимки, кокетливое похлопывание ресницами. Противно. А приходится терпеть.

– Мужественному образу, – улыбнулся через силу Артем.

– Это вы – мужественный образ?

– А что, не похоже?

– Похоже!.. Очень похоже... Высокий лоб – мужская мудрость. Ширина лба равна ширине подбородка – признак мужской силы... – Щеколдин манерным движением очертил контур лица. – Это все про вас, мой хороший... Широкие густые брови, чуточку вздыбленные – о, это щедрость души и опять же мужества... А эти глаза – ух! Сколько в них энергии! Да, они чуточку скошены книзу, но это признак решительности... У вас хорошо сбалансированный нос...

Артем невольно подался назад, когда стилист потянул руку к его носу.

– Да, хороший нос. Округлый кончик, оформленные крылья. Люди с такой формой, как правило, сильные личности... Высокие скулы – смелость, упорство... «Тигриный» рот, полный, широкий, опущенные уголки – опять же упорство, сильная воля... Вы, случайно, не богатый наследник?

– Об этом вы у всех спрашиваете?

– Нет, только у тех, у кого такой рот... Не хотите говорить, не надо... Да, и эти нижние веки. Чуточку припухшие, слегка провисшие... М-да, порочность природы, мой дорогой. Бурная жизнь, бесконтрольность влечений... Но вы стараетесь бороться со своими недостатками...

– А вы, насколько я понял, настоящий физиогномист, – нарочно оговорился Артем.

– Физиогномист... – с печальным видом поправил его Евгений. – Я вижу, что не заинтересовал вас... А мужественный образ вам создавать не надо, у вас с этим все в порядке... А вот над этим мужчиной я бы поработал...

Видно, Крякин не произвел на Щеколдина столь экспансивного впечатления, как Артем. Поэтому он смотрел на него без должного восторга.

– Извините, батенька, за откровенность, но вы являетесь собой тип ослиной внешности...

– Ну и зачем говорить об этом вслух? – напыжился Крякин.

– Потому что люди с таким типажом, как правило, достигают больших служебных высот. Такие люди чрезвычайно работоспособны... Жаль только, что с женщинами они не очень ладят. Дурных намерений не имеют, но есть в них что-то отталкивающее... Но это все мертвая китайская догма, а есть еще живая наука стилистика. И если есть желание, я могу сделать из вас... э-э... ну, если очень повезет, получится что-то вроде жгучего мачо...

– Для женщин или для мужчин? – уточнил Артем.

– Ну не будьте же таким противным! – умоляюще воззрился на него Щеколдин.

– Петр Федорович, вы желаете быть мачо?

– Если честно, я бы не отказался, – уныло развел руками Крякин.

– Спешу предупредить, что это недешевое удовольствие... Разве что уважаемый Евгений Валерьянович сделает вам одолжение. Вы бесплатно его допросите, а он безвозмездно оформит стиль...

– Допросите?.. – трижды и быстро моргнул Щеколдин. – Ах да, конечно! Я же сразу догадался, откуда вы! Из милиции, конечно же!

– Вопрос вам навстречу, Евгений Валерьянович! – снисходительно улыбнулся Артем. – Из какой милиции?

– Ну, из криминальной, конечно же. Вы же по моему заявлению?

– Совершенно верно... Прошу любить и жаловать, – Артем двумя руками показал на своего напарника. – Капитан Крякин, отдел звездных расследований...

– Звездно-цирковых... – с осуждением глянув на него, качнул головой тот.

Артем хотел назвать его еще и специалистом по Боре Маисову, но передумал. Кажется, и без того обидел человека; видимо, пренебрежительным оттенком в звучании голоса.

– Да, да, я что-то слышал про такой отдел, – бесшумно хлопнул в ладоши Щеколдин. – Если в криминале замешана «звезда», то ею занимается особый розыск...

– Вам это пока не грозит. Но мы бы хотели поговорить с вами насчет Маши Светловой.

– Я вас понимаю.

– Петр Федорович поработает с вами, а вы поработайте с ним. Компьютерное моделирование имиджа, индивидуального стиля, если это у вас есть...

– Ну, есть, есть, конечно!.. Это все мы подберем, но одного интерактива мало, нужно материальное воплощение. У нас, конечно, есть поставщики, мы бы могли одеть господина капитана прямо здесь, так сказать, не отходя от кассы. Но это, сами понимаете... – Понизив голос, Щеколдин выразительно потер меж собой подушечки первых трех пальцев на правой руке.

Артем так же изобразительно прикрыл на секунду глаза. Деньги у него были, и если впереди их с Петром ждало общение со «звездами», то было бы неплохо, чтобы они оба соответствовали образу стильного детектива. За себя Артем не беспокоился. Он надеялся, что выглядит вполне.

Капитан Крякин нервничал, как мальчишка, когда Щеколдин подбирал на компьютере стрижку по типу лица и предполагаемому стилю одежды. Зато Артем не терялся.

– С Машей Светловой вы тоже работали? – спросил он, помешивая сахар в кружечке с кофе.

– Да, конечно... Если вы видели ее в последние два-три года, то думаю, вы по достоинству оцените мою работу...

– Вы хотите сказать, что знаете ее последние два-три года?

– Я хочу сказать, что наше знакомство пошло ей на пользу.

– Не сомневаюсь... Давно вы познакомились?

– Познакомились... – невесело улыбнулся Щеколдин. – Мы познакомились в нелегкое для нее время. Она пришла к нам салон в надежде, что ее узнают, окажут знаки внимания...

Я-то ее узнал и знаки оказал. Но до этого она столкнулась с одной... Я настоял на том, чтобы эту черствую, бездушную гризетку рассчитали и уволили. Даже кофе ей не предложила!

– У этой... гм... гризетки каменное сердце.

– И не говорите... Но, конечно же, обидело Машу не это. В последнее время у нее не было концертов, ее никуда не приглашали, о ней забыли... А душа у нее тонкая, ранимая...

– И она страдала, – в том же куртуазно-пафосном духе предположил Артем.

– Да! И очень!..

– Я слышал, у нее был роман с каким-то олигархом.

– С каким-то... – грустно передразнил его стилист. – С каким именно? Фамилию его знаете?

– Нет.

– И никто не знает. Потому что это была мистификация... Никто и не думал, что публика воспримет эту новость всерьез. Всего лишь нагнали туману, если так можно сказать, легкий такой слух, а народ поверил. Маша Светлова замужем за олигархом, у нее все хорошо, и ей вовсе не обязательно ездить на гастроли, зарабатывать деньги. А если у нее все замечательно, то счастья ей и долгих лет жизни вне сцены... Не было у нее никакого мужа – ни богатого, ни бедного...

– И как же она жила?

– Вас интересуют ее физиологические потребности?

– Нет, больше духовные.

– Если духовные, то она хотела создать семью. Но, увы, в этом ей не повезло. Она выдала желаемое за действительное и стала жертвой образа, который сама себе создала. Мужчины опасались заводить с ней знакомства, сами понимаете, олигарх – это серьезно, можно такую проблему отхватить, что и не унесешь... Были, конечно, кто и не прочь рискнуть, но такие не устраивали саму Машу. Не люмпен-пролетарии, но и не сливки общества...

– А как насчет физиологии?

– Куда без этого? Физиологическая потребность – понятие такое же низкое, как почва, на которой мы стоим. Но без почвы под ногами мы просто не сможем существовать... У Маши был мужчина, да, с ним она и встречалась...

– Кто, если не секрет?

– Финковский Павел Родионович, в прошлом Паша Финик.

– Да, да, знаю такого! – восторженно примолкший было Крякин. – Мы под него на дискотеке танцевали...

– Звезда одной песни. Но какой! – улыбнулся Щеколдин. – У меня до сих пор мурашки по коже, когда я слышу его песню!

– И часто вы ее слушаете?

– Я бы сказал, слушал... Павел Родионович нормальный мужчина, без особых отклонений в психологическом, так сказать, плане...

– Без особых – это не означает полное отсутствие, – подсказал Артем.

– Ну, обычный мужчина с прощательным бзиком. У Маши в музыкальном центре всегда диск стоял с его песней. И если он бывал не в духе, она включала его, и у него тут же поднималось настроение. А без хорошего настроения он ей был не нужен. У нее и своих неврозоз хватало...

– Насколько я знаю, Паша Финик был ее продюсером.

– Да, на самом начальном этапе. Потом он ушел в бизнес, открыл один ресторан, второй... И Машу к этому приобщил. Одно время она о-очень хорошо зарабатывала, и он уговорил ее вложить деньги в бизнес. Она согласилась, и теперь у нее два ресторана и дивиденды...

– Дивиденды? Дивиденды, насколько я знаю, это часть прибыли акционерного общества.

– Если честно, я не знаю, какое у них меж собой было общество, акционерное или на доверительных началах. У Павла Родионовича сеть ресторанов. И заведения, которыми владела Маша, входят в эту систему. Она не занималась бизнесом, но доход от него получала исправно и в приятном, я бы сказал, количестве...

– Владела, получала. Заведения, которыми она владела, входят в систему. Маша у вас в прошедшем времени, а все остальное – в настоящем. С чего бы так? Вы знаете, что ее нет в живых? – хлестко спросил Артем.

Щеколдин слегка поежился под его забористым взглядом. Вымученно улыбнулся:

– Скажете же такое, нет в живых...

– А вы что скажете?

– Скажу, что ничего не знаю... Я думал, Маша испугалась и уехала от греха подальше. Деньги у нее были, Шенгенская виза тоже – ей ничего не стоило вылететь за границу.

– От какого греха?

– Да тут целая история. Я договорился... Впрочем, это не суть, кто и как договорился. В общем, Машей заинтересовалась программа «Розыгрыш». Валдис Пельш, Татьяна Арно, ну, вы должны знать...

– И что, ее разыграли?

– Нет... Не знаю... Может быть... Маше сначала эта затея понравилась, а потом она испугалась. Даже хотела отказаться... Может, потому она взяла и уехала. Девушка она свободная, лето на носу, курортное настроение... В прошлом году она улетела на Пальму и мне ничего не сказала. Я решил, что и в этом тоже... Ждал, когда она позвонит, беспокоился. Потом все же решил в милицию обратиться. Вдруг, думаю, что-то не так...

– А что могло быть не так?

– Говорю же, страх перед розыгрышем...

– Да вы успокойтесь, Евгений Валерьянович. А то, не ровен час, из товарища Крякина сделаете страх божий...

– А я... я спокоен, – сделав глотательное движение, сказал Щеколдин.

– А мне кажется, волнуетесь. Потому что нитка в иголку не попадает... Три месяца прошло, а вы не знаете, разыграли Машу Светлову или нет. Если вы договаривались, то вам из Останкина позвонить должны были, спросить, где она. Вам так не кажется?

– Кажется. И звонили мне. Но я сказал, что не знаю... Я так понял, они не сильно расстроились. Главное, сценарий, а кого разыграть – этого пруд пруди...

– А что, сценарий розыгрыша был?

– Не знаю, мне не сказали. Сказали только, что за Машей бегать не будут...

– Так разыграли ее или нет?

– Выходит, что нет...

– А почему говорите, что не знаете?

– Ну, может, и разыграли. Да так разыграли, что кожа да кости от нее остались...

– Вы думаете, ее могли поместить в стационар лечебного голодания?

– Нет, я хотел сказать, что от нее могли остаться рожки да ножки... Ну, может, изобразили сцену, будто террористы в заложники ее взяли, а она возьми да склейся ненароком. Ну, разрыв сердца, все такое. А кому охота из-за нее в тюрьму садиться? Тело спрятали, историю засекретили...

– Я знаю, что такое программа «Розыгрыш». Там всегда есть провокатор, друг «звезды», который и подкладывает ей всю эту свинью... Если это дело шло через вас, с вами должны были связаться, назначить срок...

– Мне звонили, сказали, что все случится не сегодня завтра... Но подъехать не просили, сценарий не объяснили. Я так понял, что от меня всего лишь отделались. Или чтобы Машу в напряжении держать...

– Ладно, с этим мы разберемся. Вы мне про Пашу Финика подробней расскажите. Что он за человек, как относился к Маше Светловой?

– Ну как относился? Заходил иногда. Ну, грусть-тоску развеять... Совместный бизнес, опять же. Деловое партнерство, деньги...

– Если с Машей, тьфу-тьфу, что-то случится, кому достанутся ее рестораны?

– Этого я не знаю. Детей у нее нет, родители только, где-то под Воронежем, сестра вроде бы есть. Но я не знаю, на кого завещание составлено.

– А оно есть, завещание?

– Не знаю, может быть. Но со мной на эту тему она не разговаривала... А должна была бы сказать, если б что-то было...

– А если завещание есть, оно могло быть составлено в пользу Финика? Э-э... в пользу Павла Финковского...

– Вы бы это у него и спросили.

– Да, наверное, вы правы... Когда она исчезла?

– Не знаю...

– Хорошо, когда вы видели ее в последний раз?

– Я к ней заходил... В конце мая... Я даже число скажу... – Щеколдин полез в свою сумку с фигурными застёжками, достал оттуда блокнотик в «леопардовой» обложке, полистал его. – Ну вот, у меня как раз встреча была... Не важно с кем... В общем, это было двадцать третьего мая. У Маши в тот день Финковский был, это я точно знаю. Я его не видел, после него пришел. Я ей тогда и сказал, что ею «Розыгрыш» интересуется. Она сначала обрадовалась, потом запаниковала... На следующий день я позвонил на программу, узнал, что не сегодня завтра. Может, меня самого разыграли, не знаю, но Маше я сказал, чтобы она готова была... Знаю, нельзя говорить, но она такая впечатлительная. И эмоциональная. Могла такого нагородить!..

– Какого такого?

– Ну, скандал там поднять. Знаете, как это у «звезд» бывает, чуть что не так, сразу в крик, звездная мишура фонтаном...

– С ней это случалось?

– Все мы не без греха! – Сначала Щеколдин пригладил свою крашеную челку рукой, затем дунул на нее.

– Значит, двадцать четвертого мая вы ей сообщили, что попасть она может в любой момент.

– Куда попасть? Ах да, просто попасть! Извините, не понял... Да, да, я ей позвонил и сказал... Кстати, это был наш последний телефонный разговор... Я ей в тот же день позвонил, вечером. Полная тишина в эфире. И домашний телефон не отвечал... Может, в тот день она и рванула на курорт... Она еще в тот день в магазин собиралась, что-нибудь к лету прикупить. Меня звала с собой, но у меня в тот день забот был полон рот...

– В какой магазин она ходила?

– Она не сказала... Но я знаю, в каких бутиках она обычно обновляется. Если хотите, составлю список...

– Если не затруднит... А если она не собиралась никуда уезжать?

– Тогда она должна была заехать в супермаркет. Она говорила, что у нее продукты закончились...

– В какой супермаркет?

– У нее возле дома есть. Может, в какой другой заскочила, ну, по дороге, все может быть... Да это, наверное, и не важно...

– Не знаю, не знаю...

Артем понял, что устал. Не такое уж простое это дело – допрос. Особенно если имеешь дело с нетрадиционной ориентацией. К тому же он должен был дать слово и своему времен-

ному начальнику, которого, как ему казалось, сейчас больше интересовал друг Маши Светлова, нежели она сама.

Он оставил Щеколдина на Крякина, вышел из салона и с чувством исполненного долга вдохнул ноздрями нагретый на солнце смог большого города. Направился к своей машине. Дело еще не сдвинулось с мертвой точки, но уже появились первые подозреваемые. Или стилист знал точно, что Маши больше нет, или это всего лишь плохое предчувствие. И с Пашей Фиником, возможно, не все чисто. Не так уж много было у Светловой-Черновой родных и близких, если некому было обратиться в милицию, заявить ее в розыск. Но даже если не было завещания в его пользу, все равно ее смерть была выгодна Финковскому. Может, он и не владел ее ресторанами, но управлял ими на свое усмотрение... А может, Машу действительно разыграли с таким перебором, что довели до летального исхода...

Работа ума слегка утомила Артема. Двигатель приятно шелестел под капотом, климат-контроль охлаждал и освежал воздух – хорошо в машине, комфортно. И хотя убаюкивающие волны здесь были не так сильны, как в голосе Варвары Карловны, но Артем все же клюнул носом.

Разбудила его дива из салона красоты. С елейной улыбкой она сообщила, что Евгений Валерьянович просит его подписать какую-то бумагу.

«Какой-то бумагой» оказался счет за предоставленные услуги. Тридцать четыре тысячи сто тридцать семь рублей ноль восемь копеек.

– А не многовато? – с сомнением посмотрел на стилиста Артем.

– Зато какой результат!

Щеколдин поднял вверх обе руки, оставив их согнутыми в локтях. Он сделал это столь впечатляюще, что Артем приготовился услышать фееричное «алле-оп!». Помпезная фраза не прозвучала, но шторы в дверном проеме раздвинулись, и появился капитан Крякин в новом своем обличье.

Надо было отдать должное и компьютеру, и Щеколдину – они оба угадали прическу. У Крякина был вислый нос, вялые щеки также сползли вниз, сливаясь с жировой прослойкой зарождающегося второго подбородка. Чтобы компенсировать это провисание, нужно было что-то стремящееся вверх, поэтому стилист взметнул ввысь его волосы, зафиксировав их по вертикали. И в одежде полный тренд – даже не тенденция, а резкая смена стилевых показателей. Что до этого носил Крякин? Отстойный трэш – хламная рубашка из секонд-хенда, мятые брюки непонятно откуда, сбитые кроссовки с Черкизовского рынка. А сейчас! Батник в мелкую светло-серую клеточку и с едва обозначенной «стойкой» идеально подходил к его типу лица, сглаживал расплывчатые контуры его живота. Летняя куртка в стиле Харрингтон с капюшоном и длинными тесемками – такое же точное попадание в цель. Мягкие велюровые джинсы темно-синего цвета, легкие туфли комфорт-спорт... Стильно, brutally, и никакой голубизны. Более того, Артем и сам бы не отказался от такого прикида.

– Ну да, результат ничего себе! – одобрительно кивнул он и полез в карман за бумажником.

Кассового терминала в салоне не было, поэтому пришлось расстаться с наличностью. Семь оранжевых купюр зажгли перед Крякиным зеленый свет.

– Сколько ты ему отдал? – уже на улице тоскливо спросил он.

– Если по тысяче в месяц, то через три года как раз рассчитаешься. Я сегодня добрый, поэтому кредит почти беспроцентный...

– Спасибо, конечно. Но я лучше с зарплаты рассчитаюсь... Ну, не с одной...

– Тебе видней.

Фары «БМВ» моргнули весело и с радостным писком, приглашая водителя и пассажира занять свои места.

– Женя что-то про богатого наследника говорил, – забравшись в машину, неуверенно сказал Крякин.

– Где-то он был прав. А где-то нет, – нажал на кнопку навигатора Артем. – Знаешь, как в сказке. Было у отца три сына, двое умных, а младший... У меня сестра старшая, за ней брат, ну а я после них. Они оба в совете директоров, а я... В общем, как в той сказке, двое умных, а третий – милиционер...

– Зачем тебе это нужно?

– Знаешь, сначала я должен объяснить это себе. Пока не получается. А как получится, попробую объяснить тебе... Что ты узнал про Светлову?

– Как что? – удивился Крякин. – Ты же сам про нее спрашивал, сам все узнал...

– Что, прибалдел под мягкой рукой стилиста? – усмехнулся Артем.

– Ну, нет!.. Просто мне было страшно... А вдруг он меня испортит?

– Он что, мог это сделать у людей на глазах?

– Да не в том смысле, – зарделся Крякин. – Он мог сделать из меня чучело. А вроде ничего вышло... Что делать будем?

– Ну, если Женя тебя не испортил, будем работать дальше. На Ленинградку поедем, в центральную диспетчерскую службу. Надо поднять пассажирскую базу с двадцать четвертого мая, найти в списках пассажиров Машу Светлову, пардон, Марину Чернову. Откуда и куда вылетела...

– А если нет ничего?

– Тогда для большей вероятности по аэропортам прошвырнемся, может, у них списки поточней...

– Все-то ты знаешь.

– Чисто теоретически, кое-что. А практикой тебе заниматься. И в диспетчерскую пойдешь, и по аэропортам. Я сегодня за водителя... Давай, начальник, запрягай!

Ездить пришлось до ночи, но сведений о Марине Черновой так и не нашли. Не пользовалась она услугами «Росавиа», не было ее в списке пассажиров международных или хотя бы внутренних линий. Артем пробовал отыскать ее по электронной базе «Российских железных дорог», правдами-неправдами получил доступ к ней, но так ничего и не выяснил...

– Отсутствие результата тоже результат, – сказал он, глянув на часы.

Половина третьего ночи. Состояние интересное – тело усталое, а дух бодрый. Куда приятней мотаться по ночному городу в поисках пропавшего человека, нежели пропивать свое время и здоровье в злачных заведениях.

– Сделали все, что могли, – уныло зевнул Крякин. – По домам пора. Мне на Курский...

– Да нам по пути.

– Разве ты не на Рублевке живешь?

– Не, в Барвихе родители живут. Я к ним иногда заезжаю, а так я на Курском обитаю... Подвалы там, переходы, зимой – теплотрассы... Ты думаешь, меня это смущает? Нисколько!

На самом деле у Артема была своя квартира в элитном доме в районе Курского вокзала. Он с юных лет привык к роскоши, но его действительно не очень пугала перспектива какое-то время провести среди бомжей. Если это, конечно, потребуется для пользы дела. Но лучше, если до этого не дойдет...

Дом ему нравился. Тихий озелененный закуток в квартале от шумного Садового кольца, охрана, подземный паркинг, откуда можно было подняться на лифте к своей квартире. Круглый, стильно иллюминированный холл, просторная кухня-столовая, внушительных габаритов комната-студия, тренажерная и две спальни. Хай-тек, арт-декор, модерн – все в полной гармонии. Словом, сюда не стыдно было привести дорогую модель и уже тем более – своего мини-начальника...

– Хотел бы я в таких переходах жить, – завистливо протянул Крякин.

- Живи. Спален всего две, одна твоя...
- Вместе бомжевать будем?
- Такова наша доля.
- Да-а.
- Увы, родителей не выбирают.
- У тебя и бар есть...

Крякин подошел к стойке в углу студии, провел рукой по стеклу витража, за которым выстроились в ряд «кувшины» с пагубными «зелеными джиннами». Водка, коньяк, виски, ром. Вино хранилось в темном шкафу на специальных стеллажах.

- Зачем тебе столько?
- Чтобы волю тренировать.
- Я серьезно спрашиваю.
- А я серьезно отвечаю... Выпить хочешь?
- Не откажусь.
- И я хочу. Но я откажусь. Потому что воля есть... А ты можешь начинать. Только не увлекайся: завтра нам к Финковскому ехать...
- А ты?
- «Карамазовых» на ночь полистаю.
- Шутишь?
- Сам знаю, что скучно, – развел руками Артем. – Но хочешь, верь, хочешь, не верь, а животное мало-мало вытравливает...

– Какое животное?
– Которое внутри нас... Человек по природе своей – животное. Но на то он и человек, чтобы с ним бороться. Вся наша цивилизация – история борьбы с первобытными инстинктами. Мы научились загонять животное внутрь себя, но мало кто смог задушить его окончательно. Культура – сущность скучная и неопределенная, но чем ее больше, тем крепче клетка для животного... Жаль, засну быстро...

Артем принял душ, лег в постель, взял с тумбочки книгу. Как чувствовал он, что сегодня общение с Достоевским не состоится. Только он нащупал глазами строчку, на которой остановился вчера, как она расплылась и черной типографской краской стекла под веки, склеила их. Спать, спать...

Глава 7

Иногда двух зайцев можно убить одним... кроликом. Артем надеялся, что сегодня ему это удастся. Первый заяц – он сытно пообедал в ресторане «Лимпопо». Второй – ему нужен был владелец этого заведения. Поэтому он и атаковал официанта.

– Спасибо, ваш барсик, тушенный в сметане, был очень вкусным, – промокнув губы салфеткой, невозмутимо сказал он.

– Простите, кто тушенный в сметане?

– Кот. Барсик. Или это какая-то породистая кошка? Британская, абиссинская?!

– Это был кролик!

– Зачем вы мне это говорите? – нахмурился Артем. – Если бы вы сказали правду, я бы не обиделся. Скажите, что это была кошка, и я прибавлю к счету чаевые!

– Но это был кролик! – настаивал официант.

– Ну что ж!

Артем возмущенно поджал губы, поднялся со своего места, вынул из кармана три тысячные купюры, нарочно примял их и бросил на стол.

– Ведите меня к директору ресторана!

– Григория Николаевича сегодня нет.

– Тогда к Павлу Родионовичу!

– Он директор всей сети!

– Тем хуже для вас!

Артем не стал ждать, когда официант покажет ему путь. Сам устремился к двери в подсобное помещение, через которое нужно было пройти, чтобы попасть в административную пристройку. Сам нашел кабинет генерального директора, весело подмигнув обомлевшей от его наглости секретарше, скрылся за дверью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.